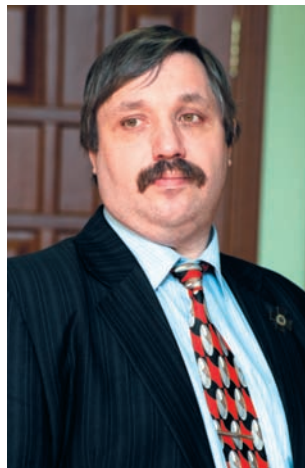

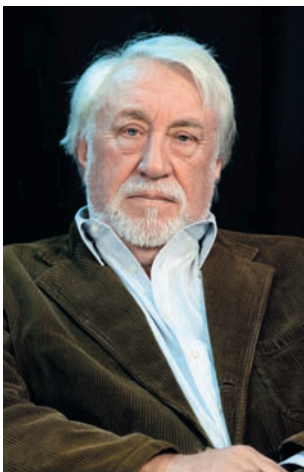
Православное
КНИЖНОЕ май
2015
КОБОЗРЕНИЕ
№ 4 (049)

НОМИНАНТЫ Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (слева направо):
Юрий Васильевич Бондарев, Николай Петрович Бурляев, Дмитрий Михайлович Володихин

 ПРЕМИЯ

ЮРИЙ БОНДАРЕВ	4	ВЛАДИМИР ВОРОПАЕВ	38	АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ	73
Главное для писателя — неподкупная совесть (интервью)	6	Художественной правды нет без правды Божией (интервью)	39	Православная литература должна быть с юмором (интервью)	76
НИКОЛАЙ БУРЛЯЕВ	15	ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ	49	 ПРОЗА	
Культура — умение услышать Господа (интервью)	16	Вещее беспокойство русской литературы (интервью)	50	ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ	
ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН	25	НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА	56	Ю. Бондарев	8
Главное в моей жизни происходило между храмом и библиотекой (интервью)	28	ПРОТОИЕРЕИ		ВАЛЕРИК	
		ЛЕОНИД САФРОНОВ	64	Н. Бурляев	18
				РАССКАЗЫ	
				О ГОГОЛЕ	
				В. Воропаев	40

НОМИНАНТЫ Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (слева направо): Владимир Алексеевич Воропаев, Юрий Михайлович Кублановский, Новела Николаевна Матвеева, протоиерей Леонид Сафронов, Александр Юрьевич Сегень

ДЕДОВ КРЕСТ

А. Сегень

78

Н. Матвеева

58

 ПУБЛИЦИСТИКА

ДВЕ МОСКВЫ

Д. Володихин

30

**СТИХОТВОРЕНИЯ
РАЗНЫХ ЛЕТ**

Протоиерей

Леонид Сафронов

67

 ПОЭЗИЯ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Ю. Кублановский

51

 НОВЫЕ КНИГИ

84

 ПРОГРАММА

Программа торжественной
церемонии избрания

и награждения лауреатов

Патриаршей литературной

премии

88

ИЗБРАННЫЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

И ПЕСНИ

ЮРИЙ БОНДАРЕВ

БИОГРАФИЯ

Юрий Васильевич Бондарев родился 15 марта 1924 года в городе Орске (ныне Оренбургская область). В 1931 году семья Бондаревых переехала в Москву.

Участник Великой Отечественной войны (с августа 1942 года), младший лейтенант.

В 1941 году вместе с тысячами молодых москвичей участвовал в сооружении оборонительных укреплений под Смоленском. Летом 1942 года, после окончания 10-го класса средней школы, направлен на учебу во 2-е Бердичевское пехотное училище, которое было эвакуировано в город Актюбинск.

В октябре того же года курсантов направили под Сталинград. Бондарев был зачислен командиром минометного расчета 308-го полка 98-й стрелковой дивизии.

В боях под Котельниковским был контужен, получил обморожение и легкое ранение в спину. После лечения в госпитале служил командиром орудия в составе 89-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии Воронежского фронта. Участвовал в форсировании Днепра и освобождении Киева. В боях за Житомир был ранен и снова попал в полевой госпиталь.

За уничтожение в районе села Боромля Сумской области из боевых порядков пехоты трех огневых точек, автомашины, противотанковой пушки и 20 солдат и офицеров противника был награжден медалью «За отвагу».

За подбитый танк и отражение атаки немецкой пехоты в районе города Каменец-Подольский награжден второй медалью «За отвагу».

С января 1944 года Ю. Бондарев воевал в рядах 121-й Краснознаменной Рыльско-Киевской стрелковой дивизии в Польше и на границе с Чехословакией.

В октябре направлен в Чкаловское артиллерийское училище и после окончания учебы в декабре 1945 года признан ограниченно годным к службе и демобилизован по ранениям.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (1951).

Дебютировал в печати в 1949 году. Первый сборник рассказов «На большой реке» вышел в 1953 году. Автор рассказов (сборник «Поздним вечером», 1962), повестей «Юность командиров» (1956), «Батальоны просят огня» (1957; одноименный четырехсерийный фильм по мотивам повести, 1985), «Последние залпы» (1959; одноименный фильм, 1961), «Родственники» (1969), романов «Горячий снег» (1969; одноименный фильм, 1972), «Тишина» (1962; одноименный фильм, 1964), «Двое» (продолжение романа «Тишина»; 1964), «Берег» (1975; одноименный фильм, 1984).

Автор сценария фильма, снятого по роману «Горячий снег» (1972). Один из авторов сценария киноэпопеи «Освобождение» (1970) и фильма «Батальоны просят огня» (1985).

ПРЕМИЯ

6

Был членом редакционной коллегии журнала «Роман-газета». С 2001 года член редакционной коллегии журнала «Мир образования — образование в мире».

Почетный член Санкт-Петербургской общественной организации Академии русской словесности и изящных искусств имени Г. Р. Державина.

Герой Социалистического Труда (1984). Лауреат Ленинской (1972), двух Государственных (1977, 1983) и многих других литературных и общественных премий.

Почетный гражданин города-героя Волгограда (2004).

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Романы:

- Батальоны просят огня (1957)
- Тишина (1962)
- Двое (1964)
- Горячий снег (1969)
- Берег (1975)
- Выбор (1980)
- Игра (1985)
- Искушение (1991)
- Непротивление (1996)
- Бермудский треугольник (1999)
- Без милосердия (2004)

Повести:

- Юность командиров (1956)
- Последние залпы (1959)
- Родственники (1969)
- Сборник рассказов
- Поздним вечером (1962)
- Цикл миниатюр
- Мгновения (1977)

Книги литературных статей:

- Поиск истины (1976)
- Взгляд в биографию (1977)
- Хранители ценностей (1978)
- Диалоги о формулах и красоте (1990)

ГЛАВНОЕ ДЛЯ ПИСАТЕЛЯ — НЕПОДУПНАЯ СОВЕСТЬ

ИНТЕРВЬЮ

— Известно, что человек, побывавший на войне, где перед лицом смерти проясняется значимость каждого поступка, может лучше понять истинную цену тех или иных вещей и явлений. Как фрон-

товик, участвовавший в самых страшных сражениях Великой Отечественной войны, и писатель как бы Вы определили ценность художественной литературы?

— Литература имеет дело со словом, а слово — это оружие. Слово есть жизнь и надежда, но слово может нести и смерть. Слово противостоит насилию, тирании, политической глупости и лжи, социальным и националистическим авантюрам, помогая людям прийти к истине. Лживое же слово, наоборот, служит неправде. В этой борьбе правды и лжи — ответственность каждого писателя, для которого высшей наградой должен быть не восковой пьедестал славы, а неподкупная совесть.

Человеческие поступки и преступления определяют то общество, в котором живут люди, и, увы, победа добродетели случается крайне редко. Однако нет цивилизаций без тех, кто наделен здравым умом и чувством ответственности перед своим народом, кто стал защитником его судьбы. Таким защитником была и есть культура. Литература призвана утверждать различие между добром и злом (подобную границу проводит и вера человека), вести непрекращающийся спор с действительностью, иногда — с самими собой, в поисках правды, познавая тем самым смысл человеческой жизни. Только недалекие или безумные люди непоколебимо уверены, что ясно понимают этот мир. Сомнения доставляют нам не меньше усилий, чем сама работа, но именно этот путь — через сомнение — ведет к познанию человека.

Литература и другие искусства занимаются сложнейшей областью бытия. Кем Бог назначил нас в этом мире, и где место каждого из нас среди собратьев? Что есть свобода и справедливость? Что такое любовь к Родине, к дому, к любимым, к близким? Где граница между рабством и подчинением? Что значит мужество и храбрость? До каких крайних границ допустимо страшиться

смерти, страданий и поражения? Какие душевные силы заставляют нас действовать так, а не иначе, откуда берутся разнообразные желания, часто исключающие друг друга? Эти вопросы всегда волновали русскую литературу.

— *Борьба правды и лжи, о которой Вы говорили, имеет вселенский, общечеловеческий характер, не умаляет ли этот факт значения отдельных национальных литератур? Может быть, писатель должен быть космополитом?*

— Я убежден, что подлинный талант всегда национален: его колыбель непременно под кровом отчего дома. Разрыв с прошлым, отдаление от своих национальных вершин в любой культуре пагубны. Само развитие языка определяется природой, историей и разумом народов. Но все сказанное вовсе не противоречит общечеловеческой миссии литературы. Ценность духа одной нации не ограничивается какой-то территорией, строгими географическими границами. Культурное богатство принадлежит всем. Не следует вступать в спор с Богом, призвавшим к духовному единству и братской любви все племена и народы.

Особенно эти рассуждения справедливы для русской литературы. Национальные культуры многочисленных народов Российского государства группировались вокруг русской, основанной на непоколебимой многовековой традиции.

— *В завершении нашей беседы хотелось бы спросить Вас: в чем заключается особенности профессии писателя, отличающие ее от других видов человеческой деятельности?*

— Я неоднократно пытался говорить о том, что такое профессия писателя, другие тоже пробовали рассуждать на эту тему. Но это трудно выразимые вещи. Не потому, что это «потустороннее». Нет, все, что писатель пишет и говорит — он берет из жизни. Это беспощадная «губка», которая впитывает все детали.

Вся моя жизнь — работа. У меня нет ни одного дня, когда бы я чувствовал себя совершенно свободным от своей профессии и от тех вопросов, которые меня мучают. Может быть, в этом и есть главная особенность писательского труда.

ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ

РАССКАЗ

Тонко дребезжат стекла. Сквозь шум бурана слышно, как на дворе глухо хлопает калитка. Коля, весь напрягаясь, останавливает взгляд на окне, потом негромко говорит:

— Показалось... Я думал, мама, а это ветер. Ты, Миша, слышал, как загремело?

— Непогода какая... — Миша, послунив палец, не сразу перелистывает страницу, с сосредоточенным видом наклоняется над книгой и прерывисто вздыхает: — Прямо не дождешься.

Колина мать работает врачом в степном районе, недалеко от города Актюбинска; каждое утро за ней приезжают сани из больницы, и дед Степан увозит ее до восьми часов вечера. Сейчас уже десять, но ее все нет. А буран хлещет в степи, гремит по крыше, дико взвизгивает в трубе, дергает дверь в сенях, будто кто-то в злобе ударяет, наваливается плечом, срывает ее и не может сорвать с петель. На улице все гудит, и порой кажется, что комната несется по воздуху, в вихрях снега, оторванная от всего мира.

Мальчики сидят на диване и то и дело поглядывают на стенные часы. Миша хмурится и, ста-

раясь не сопеть, уже второй раз осторожно листает книгу про зверей Африки. Он давно торопится домой, так как отпросился к Коле «только на минуту», но ему и боязно, и неудобно уходить, хотя живет он рядом — через несколько домов.

А часы на стене неустанно и сонно тикают. Изредка в них что-то обрывается. Тогда гиря дергается, и мальчики вздрагивают. В комнате полутемно. Возле дивана на столе горит большая керосиновая лампа: два дня нет электричества — буран порвал провода. Радио тоже молчит. Два дня в степи, не утихая, ревет непогода. Она царапает стены, стучит в стекла и кидает в них непроглядным снегом, все наваливая и наваливая под окнами сугробы.

— Буран! — говорит Миша, поднимая голову от книги. — Ишь как воет... Страшно сейчас в степи.

Коля внимательно смотрит на Мишу, с минуту слушает, как воет буран, и вдруг начинает беспокоиться:

— Как бы мамка не заблудилась...

— А ты знаешь, в позапрошлую зиму тракторист окоченел до смерти, заблудился... а в прошлую отец чуть совсем не замерз, — почему-то шепотом говорит Миша и делает такое лицо, точно сообщает по секрету о необыкновенной тайне.

Коля уже слышал эту историю несколько раз, но ему хочется заново послушать.

— Как же это? — удивленно спрашивает он и подвигается ближе к Мише. — Сказки бабушкины.

Но глаза у Миши очень серьезные.

— Не сказки, а очень просто. Поехал отец в бригаду: что-то с тракторами случилось. Темница — жуть! Хуже, чем сейчас. Буран так и метет, так и метет... Знаешь, как в степи? Я ездил раз в МТС, так знаю... А отец ехал, ехал — и вдруг дороги нет, заблудился. Мы его ждали, ждали целую ночь. Мать говорит: «Ну, пропал отец!». И вдруг слышим — лошадь пришла. Выбежали мы, а отец весь в снегу, прямо и лица не видно! Мамка чуть не плачет, а он говорит: «На войне не погиб, а здесь чуть...». Ноги, руки снегом оттирал — белые все были...

Опять хлопает калитка, гремит в трубе, в сених, позванивают стекла, и мальчикам кажется, что кто-то огромный колотит озлобленно по стенам, топчется в тяжелых валенках под окном и давит на стекла, и стонет от нетерпения.

И от этого хаоса звуков уши наполняются протяжным, тонким звоном.

— Ветер, — выдыхает Коля. — Это ветер...

Миша тихонько смеется:

— Конечно, ветер! Давай книжку смотреть! Ты садись рядом, а?..

Подумав, Коля садится вплотную к Мише, а тот спит, с какой-то опаской перелистывает

страницы и украдкой из-за плеча оглядывается на черные окна. Коля, тоже озираясь на темные углы, поеживаясь, спрашивает негромко:

— Ты почему так смотришь? Мерещится тебе?

— Не-ет, что ты! Вот выдумал, — шепчет Миша, нагнув голову.

В тишине листы книги, толстые, гладкие, гремят, как полотно на ветру. Минуту оба молчат. Потом Миша напряженно морщит лоб и, глотая слюну, говорит:

— Как я домой теперь пойду? Мать, наверное, ищет...

— Знаешь, давай чай пить, — предлагает Коля с надеждой. — Чайник поставлю, у нас конфеты шоколадные есть. «Белка» называются. Хочешь, Миша?

— Да мне идти нужно. Я уроки еще не делаю. А то завтра по арифметике Марья Сергеевна как вызовет да ка-ак двойку поставит!..

— Ну и иди. — Коля презрительно усмехается. — Боишься, достанется дома? А в школе хвастался, что тебя никогда не ругают! Врешь все!

Миша сдвигает рыжеватые брови. Он колеблется.

— Давай... подождем еще, — нерешительно соглашается он и снова украдкой косится на окна.

Коле сразу становится веселее. Ему хочется рассказать сейчас то, о чем он давно думал, и он заговорщицки говорит:

— Ты знаешь... Вот если бы война... ты как, пошел бы в разведчики?

— Не возьмут, — вяло отвечает Миша. — Не доросли, скажут. — Он откладывает книгу и, некоторое время соображая, деловито насупливается. — Может, взяла бы, только мать вот...

— Ерунда какая! — возражает Коля. — А если бы наша страна воевала с фашистами? Нет, меня бы мать отпустила. Как отца. — Коля пристально смотрит на стену, где в черной рамке висит портрет. — У меня отец был артиллерист. Он дрался с «тиграми», танки были такие у немцев. Отца ранило, а он все стрелял... Пять танков подбил...

— У меня отец тоже, — кивает Миша, ссутуливаясь. — Ничего не боится.

— А ты боишься? — подозрительно спрашивает Коля.

— Нет... Что ты! А вот только отец мой ничего не боится, твоя мать тоже. Видишь, какой буран, света не видать, а она поехала.

— Она вся в отца, — серьезно заявляет Коля. — Отец сам говорил...

— Коль, а Коль, — немного подумав, очень тихо спрашивает Миша, — а ты в отца?

Коля переводит взгляд на окно, за которым с воем мелькают мутные тени, и опускает глаза.

— Я не знаю, — отвечает он, видимо опечаленный. — Отец ничего обо мне не говорил.

— А автоматы дали бы? — неожиданно спрашивает Миша. — Автоматы нужны, а то убьют!

Коля задумывается, затем машет рукой.

— А как же! Я знаю о чем — ведь я, наверно, не испугался бы. Пошли бы вместе с тобой. И вырвали бы друг друга в бою.

— Да, — соглашается Миша, — одному плохо. Двоим лучше. Помочь можно друг другу.

Минуты три оба молчат. Коля берет со стола и долго рассматривает перочинный ножик с перламутровой ручкой, говорит грустно:

— Отец подарил. Это его ножик, до фронта. На память. Хороший?

— Ага. Только не острый, — хозяйственно замечает Миша, попробовав лезвие пальцем. — И легкий. Пушинка.

— Я его берегу.

— Стой, ходит кто-то. По чердаку ходит, слышь?.. Шаги, — шепчет Миша, вслушиваясь. — Вроде разговаривают там, слышь? Нет?..

Он с побледневшим лицом озирается на Колю, изо всех сил удерживая дыхание, широкие ноздри его раздуваются.

— Никого там... буран это, — отвечает Коля с трудом равнодушно. — Мерещится тебе...

Миша мигает ресницами и слабо шевелит дрожащими губами:

— Мне мамку жалко. Она, должно, по поселку бегает, меня ищет. Ведь я из школы домой забежал — и прямо к тебе. А я ничего не боюсь. Мне домой надо... — И Миша виновато ерзает, избегая встретиться с Колей взглядом.

— Знаешь, — говорит Коля и даже встает с дивана. — Ты иди домой. Иди, Мишка, чего уж... Я останусь.

Миша, округливая рыжие брови, испуганно смотрит на Колю, но тот быстро отворачивается, повторяет с насмешкой:

— Иди, иди, я обижаться не стану, а то еще дома достанется, отколотят еще.

— Да надо ведь мне...

Однако Миша не сразу решается уходить. Ему неудобно и неловко: как же оставить товарища одного? Наконец он уходит, надев пальто, для смелости нахлобучив на глаза шапку, убегает в темь и буран. Коля закрывает за ним дверь и, вернувшись в комнату, некоторое время чувствует странное возбуждение.

«Пусть, пусть! — мстительно думает Коля. — Я и один ждаль буду...».

Но в комнате после ухода Миши становится очень пусто и тихо. И возбуждение быстро проходит. Коля садится к столу в одиночестве и, чтобы отогнать от себя грустные мысли, старается представить себе, как будет, когда приедет мать... Она, скинув завьюженный тулуп, улыбнется ему, поцелует его холодными губами и, конечно, скажет: «Заждался? Ну, Колька, сейчас будем чаевничать!». Щуря близорукие глаза, она

подолгу моет руки и тщательно вытирает их полотенцем; от нее приятно пахнет морозом и каким-то лекарством. Она будет ходить по комнате, звенеть посудой, спрашивать о школе и наконец сядет с ним за стол. Весело на плите зафыркает чайник, и тотчас в комнате станет тепло и уютно.

«Мама, я тебя все ждал, — скажет он, — два раза чайник подогревал, а ты так долго...».

Коля вздрагивает: ему кажется, что он уснул и во сне сидит на краешке стула; а веки у него тяжелые-тяжелые и необоримо смыкаются сами. На столе сонным круглым бликом светится бок большого металлического чайника. Посреди ска-терти, придавленный чашкой, белеет листок бумаги: «Ужинай, ложись спать. Не жди меня. Мама». И от этих слов, написанных, как всегда, рукой матери, горько и тоскливо сосет под ложечкой, словно кто-то беспощадно хочет обмануть его.

Потом он представляет, как мать едет в санях. Лошадь едва плетется вся в снегу, и морда ее, заиндевевшая и белая, окутываясь паром, кланяется сугробам. Мать не видно в санях: она укрылась шубой и спит. Потом она просыпается, выглядывает из-под шубы и говорит лошади: «Смотри, какой буран! Ты не спи! Не занесло бы нас! Ведь Коляка один дома!». Возница дед Степан погоняет усталую лошадь. Но она уже не хочет идти дальше. И снег постепенно заносит сани, лошадь, наметая огромный сугроб...

Что-то страшно гремит и рассыпается стеклян-ным звоном. Коля вскакивает, широко раскрыв глаза.

— Что это? Мама!..

На полу разбитая чашка. Осколки рассыпались возле ножки стола и странно-спокойно поблескивают на свету. Рядом лежит записка матери. За окном безмолвно — вероятно, буран стих. И четко и громко отстукивают, скрипят ходики на стене. Ему сейчас не жалко чашку. Он лишь жалеет об одном: зачем отпустил Мишку, вдвоем веселее. И Коле сейчас так невыносимо одиноко, беспокойно, что хочется плакать.

Он идет к дивану. Тихо скрипят под ногами половицы, и подрагивает стол, как живой. Лампа

мерцает и вспыхивает: нет керосина. По потолку, по стенам от этого мерцающего света, округлая углы, бродят тени. Коля наклоняется к лампе, глазам становится горячо, лбу жарко. Он выворачивает побольше фитиль и вдруг вытягивает шею и, не отрывая глаз, смотрит на окно. В безмолвии размеренно скрипит снег: скрип-скрип. Кто-то ходит под окнами, но никто не стучит в стекла, и Коля чувствует ознобные мурашки на спине. «Скрип-скрип, — выговаривает под окном снег, — скрип-скрип».

«Кто это?» — думает Коля, цепenea от страха.

Ему хочется с закрытыми глазами броситься на диван, потушить лампу, залезть с головой под одеяло, чтобы ничего не слышать и ничего не видеть. Проходит несколько минут. Он слышит, как молотком колотится сердце, отдаваясь в голове.

— Никого там нет... — шепчет, убеждая са-мого себя Коля. — Чудится мне...

Он осторожно оглядывает комнату и замечает на столе перочинный ножик с перламутровой ручкой. Затаив дыхание, Коля берет ножик; ус-покоительно-аккуратный, гладкий, он умещается в кулаке. Пальцы все крепче сжимают его, подарок отца, эту единственную защиту и помощь.

А огонь в лампе дергается, сникает и, чадя, гаснет. Комната погружается во мрак, среди кото-рого синееющими проемами светятся от лунного света мерзлые окна. За ними — непонятная пу-стота ночи, где только что поскрипывал снег, необъяснимо сковывает Колю знобящим страхом. Он не может пошевелиться.

«Нет, нет, — опять убеждает он себя. — Я не испугался... Показалось мне, и все».

На ватных ногах он с усилием делает два шага к окну и, всплиывая от ожидания чего-то страш-

ного, трет пальцем холодное, обросшее инеем стекло. Блестят освещенные лунной морозные узоры. Они кажутся необыкновенным зимним лесом. Коля ничего не может рассмотреть сквозь них. Тогда, замирая, с млеющим холодком в жилоте, он идет в сени и там настежь открывает двери, готовый крикнуть: «Кто?». Никого нет. Мороз и синяя ночь. На дворе лежит лунный снег. Улицы не видно: снегу намело по крыши. Стоя в дверях, Коля весь дрожит от студеного воздуха. На улице ни огонька. «Где же мамка? — думает с тревогой Коля. — Где она?».

Он закрывает дверь, входит в комнату, садится на диван, опять дремота постепенно обволакивает его. И внезапно стекло звонко дребезжит над самым ухом, но Коле кажется, что это стучат не в окно, а звенит у него в ушах.

— Коля, открой! Коля!

Радость перехватывает дыхание. Он вскакивает.

— Мамка! Приехала! Я сейчас! Я сейчас! — громко кричит он и бежит к двери и теперь лишь замечает зажатый в руке отцовский перочинный ножик.

...Когда они сидят за столом и пьют крепкий, пахучий чай, Коля необыкновенно счастлив: мать рядом с ним, она моет руки, вытирает их полотенцем, ласково щурит глаза. Лицо у нее усталое. Она спрашивает удивленно:

— Ты все ждал меня? И не спал?

— Ждал. Мишка у меня был! Мы вдвоем ждали! А я чашку разбил.

— Колька ты мой, Колька, — говорит мать и нежно шевелит, треплет его волосы. — А я с операции. Никак не могла раньше.

Коля хочет сказать матери о своем решении никогда больше не оставаться одному дома, но видит: мать задумчиво разглядывает стол, и у нее медленно клонится голова. Она встряхивает головой и виновато улыбается.

— Ложись, мам, ложись, — чувствуя необыкновенный прилив любви к матери, говорит Коля. — Ты устала! Ты ведь устала, мама! Да?

Мать целует его и, на ходу раздеваясь, идет к постели.

— А я подъезжаю и думаю: «Спит мой Колька, наверное». А ты, оказывается, ждал! Ах ты, Колька мой! Один, все время один. — И она как-то растерянно оборачивается к нему. — Ну, ложись, сын, а то завтра рано вставать. Давай радио включим, чтобы разбудило...

Мать, по-видимому, так сильно устала, что даже забыла: буран порвал провода, и радио молчит.

Он ничего не говорит ей, соскакивает со стула и берет с тумбочки старый будильник, внутри которого старательно бьется сердце. Высунув от напряжения язык, Коля ставит стрелку на шесть часов, потом оглядывается на мать и чуть-чуть переводит стрелку — на десять минут седьмого.

— Мама, пожалуйста, ложись, — повторяет Коля и быстро начинает убирать со стола. — Я тоже сейчас лягу. И знаешь... Это ничего: будем живы, не умрем, — добавляет он так же, как говорил когда-то матери отец.

НИКОЛАЙ БУРЛЯЕВ

БИОГРАФИЯ

Николай Петрович Бурляев родился 3 августа 1946 года в Москве. В 1961 году дебютировал как артист в фильме Андрея Кончаловского «Мальчик и голубь». Затем Андрей Тарковский взял юного актера в картину «Иваново детство», где Бурляев сыграл роль подростка, которого война лишила детства. На Венецианском кинофестивале 1962 года оба фильма с участием Бурляева получили призы — «Золотого Льва святого Марка» и «Бронзового Льва святого Марка». В 1968 году окончил актерский факультет театрального училища имени Б. Щукина. В 1961-1964 годах работал в Московском академическом театре им. Моссовета, в 1967-1968 годах в Московском театре имени Ленинского комсомола. В 1975 году окончил режиссерский факультет ВГИКа (мастерская М. И. Ромма, Л. А. Кулиджанова).

В 1986 году снял художественный фильм «Лермонтов» по собственному сценарию. В 1998 году написал (в соавторстве) литературный сценарий художественного фильма «Пушкин».

С 1992 года — генеральный директор киноцентра «Русский фильм». Создатель и президент Международного кинофорума славянских и православных народов «Золотой Витязь».

Председатель Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов, член правления Союза кинематографистов РФ, член Союза писателей, президент Фонда культуры казаков России.

С 26 июля 2010 года — член Патриаршего совета по культуре.

Народный артист России (1996), лауреат премии Ленинского комсомола (1976), лауреат Государственной премии Югославии; академик Международной славянской академии.

Награжден орденами Почета (2011) — за большие заслуги в развитии отечественной культуры и искусства и многолетнюю плодотворную деятельность; Золотой медалью Сербии (2015), святого Саввы I степени (Сербская Православная Церковь; 2010), преподобного Сергия Радонежского и другими церковными наградами.

О КНИГАХ ПИСАТЕЛЯ

Н. П. Бурляев — автор киноповестей, прозы, публицистических статей и других публикаций в ряде журналов. Наиболее значимое литературное произведение писателя — книга

«Жизнь в трех томах» (т. 1 «Мой Лермонтов», т. 2 «Фрагменты Божьего искусства», т. 3 «Славянский венец»; 2011). Трехтомная авторская летопись Бурляева дает

представление не только о его личной жизни, но и о целой эпохе в культурной жизни страны. В первом томе представлены киноповесть «Сын вольности» — основа литературного сценария авторского кинофильма «Лермонтов» и «Дневник режиссера» — о создании фильма и вообще о том, как работали кинематографисты второй половины XX

века. Второй том составлен из прозы (повесть «Близнецы») и киноповесть «Пушкин»), поэзии (поэма «Иван Вольнов», поэтическая пьеса «Бемби»), статей и речей Бурляева. Третий том — история рождения, становления и утверждения Славянского Форума «Золотой Витязь». Книга удостоена Горьковской литературной премии 2013 года.

КУЛЬТУРА — УМЕНИЕ УСЛЫШАТЬ ГОСПОДА

ИНТЕРВЬЮ

— Николай Петрович, Вы известны не только как режиссер, сценарист, актер театра и кино, писатель, организатор и руководитель одного из крупнейших кинофестивалей, но и как активный общественный деятель. Что, по Вашему мнению, российское общество и государство могут сделать для развития культуры?

— Большие надежды я связываю с весьма важным президентским указом об «Основах государственной культурной политики». Это переломный момент. Следующим шагом, с моей точки зрения, должны быть меры по выведению культуры из системы рыночных отношений. Культура и рынок несовместимы по своей сути. Я, как человек, 55 лет занимающийся практической деятельностью в области кино, театра, музыки, литературы, живописи, могу сказать, что невозможно творить для рынка. Ни к режиссерам, ни к писателям не придет муза, если они

будут думать: «а что мы заработаем с этого?». Культура — это, прежде всего, озарение Божие. Чтобы не было пустых и грязных слов. Сейчас же нравственное загрязнение нашего бытия, слова русского, русской литературы идет полным ходом. Посмотришь по телевидению: по всем каналам — непотребства: про то, про это, про «голубых», про «розовых», про колдунов, про гороскопы...

После принятия «Основ государственной культурной политики», позитивной культурной политики, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях, я надеюсь, все будет меняться к лучшему, по крайней мере, прекратится государственное финансирование программ, которые не только не способствуют развитию культуры, но и напрямую разрушают ее. После того, как меня избрали членом президиума общественного совета Министерства культуры Российской Федерации, я выступил на коллегии

этого важного общественного и государственного органа и напомнил о том, за что они давали Государственные премии еще недавно, например, за непристойную инсталляцию (детородный орган) на мосту в Санкт-Петербурге, напомнил про государственные гранты, которые выделялись на создание пьес, пропагандирующих, в частности, однополюю любовь школьников, русофобию, ненависть к Церкви и государству. Сейчас разрушителям культуры будет труднее делать свое черное дело. Мы видим, как они перепуганы: а что ж, теперь мы не получим премии за нашу вакханалию, за безумные инсталляции, за рубку икон, за кошунственные выходы вроде плясок в Храме Христа Спасителя? Нет, теперь уже этого не будет. Это Россия, здесь такое не пройдет.

Наша страна встала на пути разрушителей. Мы будем жить по собственным законам! Будем писать и снимать не для денег, и когда-нибудь и кинематограф, и театр, и все другие искусства будут избавлены от рыночных унижений. Один из министров культуры России, автор «Культурной революции», вполне официально на коллегии того же совета Министерства культуры как бы в шутку заявил: «Культуру нужно подвинуть на панель». Вот ее туда подвинули. И наша общая задача — выводить оттуда культуру, что мы и делаем.

— А откуда вообще берутся разрушительные тенденции, о которых Вы говорили?

— Когда я вижу некоторых моих коллег, с которыми жил в одной стране, с которыми учился в одних и тех же учебных заведениях, одни и те же книги читал, что и они, — а сейчас от них ис-

ходит совершенно невообразимая ненависть к России, к нашей культуре, я поражаюсь. Откуда это все? А, оказывается, это все было. Ничего нового не происходит. Еще в 1841 году друг Пушкина, Николай Языков, написал поэму «К не нашим». А, заметим, что Языков, это — та фигура, о ком Пушкин говорил, что он — единственный поэт, которому я бы мог завидовать. И ему лично Александр Сергеевич говорил, что надеется на него, «как на скалу». И Языков создал поэму, которая поделила тогдашнее общество на два лагеря. И тогда все было как сейчас, и тогда были и западники, и патриоты, славянофилы. И к тем, кто плакал по-французски и глядел на Запад, поэт обращается со следующими словами (позвольте, процитирую):

<...> Русская земля
От вас не примет просвещения,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!
Хулой и лестью своею
Не вам ее преобразить,
Вы, не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить!

Мне кажется, лучше сказать невозможно.

— Говоря о защите культуры, мы должны, однако, определиться, что же такое подлинная культура и каковы ее основания...

В начале было Слово, — говорится в Евангелии от Иоанна (Ин. 1:1). Слово — первопричина. И там же, в Новом Завете, говорится о том, что много различных слов в мире, и ни одного из них нет

без значения (1 Кор. 14:10). Это должны понимать и литераторы, и все творческие люди. Все, что создает творец культуры должно быть освящено светом Господним, ибо культура, как говорил Иван Ильин, это умение услышать Господа и выразить то, что проходит от Него через нас: в литературе, кино, живописи, музыке. Мы только проводники воли Господней, творческой воли, идущей через нас.

Нашему поколению повезло. Мы мы читали хорошую литературу, классическую литературу.

Я помню, как мы восхищались прозой наших «деревенщиков»: Астафьева, Белова, Распутина, Шукшина. Зачитывались речами того же Валентин Григорьевича Распутин, в которых он говорил нам о совести, напоминал о том, что она есть; напоминал о том, что нужно бескомпромиссно отстаивать нашу Родину, ее культуру.

Мы смотрели удивительные фильмы: «Суворов», «Кутузов», «Нахимов», «Зоя Космодемьянская», «Александр Матросов», «Александр Невский». Мы смотрели и думали: а мы можем так, как они? Ведь это — герои! Мы ориентировались на них. И перед нашим кинематографом,

перед Тарковским, Бондарчуком, Чухраем, Росточким тогда преклонялся весь мир.

У меня пятеро детей, они уже проходят через иные испытания и искушения. Детям нынешним придется выживать и уберечь душу не благодаря тому, что они видят вокруг, а вопреки этому. Евангелие говорит: *невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят* (Лк. 17:1). Если бы об этом помнили наши коллеги-руководители телеканалов, издатели, кинематографисты... Недавно я пришел к одному из руководителей нашей культуры с показом проб фильма «Сергий Радонежский», на создание которого я получил благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Показал первые пробы, говорю: вы поможете? Ответ был такой: сделайте блокбастер о Сергии Радонежском, экшн о Куликовом поле. Я сказал: Вы знаете, Вы мерите все успехом «в первый уик-энд», в первые семь дней, когда можно мгновенно собрать все деньги. Рынок диктует быстрее получить доход, обмануть зрителей рекламой. Но ценность культуры надо мерить не первым уик-эндом, а вечностью.

ВАЛЕРИК

ОТРЫВОК ИЗ КИНОПОВЕСТИ «Я СМЕРТИ НЕ БОЮСЬ, Я ВИДЕЛ СВЕТ...» (СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА)

Дворцовые часы прозвонили половину восьмого. За окнами собирались сумерки, фиолетовые облака дымными ключьями стремительно и низко проносились над дворцом, и от этого казалось, что изумрудно-золотая, сияющая огонь-

ками свечей столовая и все присутствующие в ней несутся, плывут куда-то, словно мираж в необозримых просторах океана...

...Я засыпал спокойно: я наконец знал свою участь...

БОЙ при реке Валерик. Рисунок М. Ю. Лермонтова

— Поручик! — позвал меня из мрака знакомый хриплый голос, и я сразу узнал своего друга, подпоручика артиллерии Мамацешвили, с которым мы были знакомы давно — по дому Чавчавадзе.

— А-а, Котэ!

Он выплыл из темноты, и мы, плечо к плечу, продолжили свой путь по нашему лагерю, белеющему пятнами палаток и расцвеченному огнями множества костров, разбросанных по долине почти до самых гор.

Я первым прервал молчание:

— Поутру веселенькое дельце затевают: восемь тысяч столкнут. Прольется кровушки! Название у речушки подходящее, романтическое, на французский манер... Ты не помнишь?

— Валерик, — произнес Котэ хрипло. — Речка смерти... Я тебя искал, генацвале, видеть хотел. Есть бутылка кахетинского, есть сыр. Пойдем ко мне!

— Гаумарджес!

— Гагимарджеба!

Мы пили, ели вкусный овечий сыр и, прикованные к огненной магии костра, говорили обо

КАВКАЗСКИЙ вид с саклей. Картина М. Ю. Лермонтова

всем на свете свободно и просто: нам всегда было хорошо вдвоем.

— Почему ты печален, Мишо?

Я снова тяжело вздохнул:

— У меня несчастный характер, Котэ. Воспитание ли меня сделало, Бог ли меня так создал, не знаю. Я надеялся, что скука не живет под пулями — напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращаю больше внимания на комаров, — и в который раз я шлепнул себя ладонью по шее, стряхнул убитое насекомое.

— Я прочитал твоего «Героя», Мишо. Знаешь, никогда ни над какой книгой не плакал, над «Героем» твоим плакал. Ведь это и обо мне. Да что обо мне?! О любом человеке. Если он только в этом признается себе... Ара! Почему они говорят, что ты свой портрет написал?! Ведь ты — другой: я тебя вижу!

— Спасибо, Котэ! Меня трудно растрогать, но ты первый говоришь мне такие слова. Да, Котэ! Тут не один я: тут пороки всего поколения, во всем нашем «блеске». Точнее — «падении». Тут все, что я сам в себе ненавижу, чего боюсь, от чего хочу откреститься, выжечь из души каленым словом, чтобы вновь не родилось. И я выжег. И убил его в конце. И поставил точку. Он не должен был жить. Ты знаешь, отчего они его так ругают беспощадно? Оттого, что в нем больше правды, нежели бы они того желали. Но сколько можно кормить людей сладостями? У них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Нет, Котэ! Я не мечтал сделаться исправителем людских пороков. Боже меня избави от такого невежества! Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж Бог знает... Недавно я сам перечитал «Героя» и убедился в искренности того, кто так беспощадно выставил

напоказ собственные слабости и пороки... И, по моему, история души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не полезнее истории целого народа...

— Ты знаешь, — сказал Котэ, наливая нам остатки кахетинского, — мне показалось, что у твоего «Героя» есть нечто общее с «Исповедью» Руссо.

— Ты мне польстил, Котэ: я люблю Руссо... Но его «Исповедь» имеет уже тот недостаток, что он читал ее своим друзьям... Ладно, Котэ! Про свою печаль я тебе сказал. А почему так грустен ты — всегда, а сегодня — особенно?

— Убьют меня скоро, генацвале, — без тени трагизма, просто ответил Котэ.

— Может быть, поэтому мы чувствуем такое родство, — улыбнулся я и добавил, поднимая бокал:

— Живи долго, Котэ! Гаумардже!

— Живи всегда, Мишо! Гагимарджеба!

Артиллерийский расчет подпоручика Мамацешвили находился на открытой поляне, возле него не было никакого прикрытия, и противник лавиной шел на них, угрожая вот-вот сломить сопротивление. Котэ вынужден был саблей защищать свои орудия. Гибель их показалась мне неминуемой, и я повел к ним на помощь сорок своих охотников-партизан, отобранных со всей кавалерии.

Я прицелился на скаку и не дал исполниться вчерашнему предчувствию Котэ: попал в руку татарину, поднявшему нож над спиной подпоручика. Татарин скорчился от боли и выронил клинок. Мои партизаны налетели, дико вопя, сметая неприятеля, обращая его в бегство — артиллеристы были спасены.

Я осадил взмыленного коня перед орудием

Мамацешвили. Шальная пуля прожужжала и сбила кору с дерева подле моей головы.

— Славный звук, — сказал я, переводя дыхание и облизывая запекшиеся губы. — Еще поживем, Котэ!.. Эх, сейчас бы кахетинского глоток!

Котэ благодарно улыбнулся и, подмигнув, бросил мне свою фляжку. Я отпил пару глотков и возвратил ее.

— Шестой час рубимся, а конца все не видно. За мной! — крикнул я своим охотникам. — На завалы! Штурмом!! Вперед!!!

Когда бой утих, я со своей разгоряченной командой возвращался к реке. Утомленный зноем и битвой, я вошел в воду, хотел напиться, зачерпнул — вода была мутной и красной... Стоя по колено в кровавой реке, я оглядел арену, на которой только что действовал и я сам: скрюченные трупы запрудили речку, качались в ее пунцовых потоках. На берегу мертвых сносили в одно место, в одну большую гряду. Выкрикивали фамилии убитых... «Подпоручик Мамацешвили!..» Двое солдат пронесли мимо меня Котэ и свалили его в кучку поменьше — офицерскую. Около его сердца едва чернели две ранки, и кровь еще сочилась по рубашке, но Котэ был мертв. Меня затошнило, хотелось плакать. Сквозь туман я с трудом различал происходящее под этим неохватным голубым небом, подле проступающих в пороховом дыму величественных гор, а сознание непрестанно задавало мне один и тот же вопрос: «Зачем?..» — и, по привычке, облекало его в стихи:

Жалкий человек. Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?

— Поручика Лермонтова представить к награждению золотой саблей с надписью «За храбрость!»». — К этому генерал Галафеев добавил менее официальным тоном: — Кроме того, по ходатайству вашей бабушки, вам предоставляется отпуск в Петербург для свидания с нею...

Солнечным утром ко мне заглянул Краевский. Напевая какую-то дребедень, я стиснул его в объятиях, опрокинул на пол. Он барахтался на полу в солнечных лучах, улыбаясь, приговаривал:

— Ну, полно, полно. Перестань, братец, перестань. Экой школьник. Отвяжись. Да скажи, ради Бога, что с тобой?

— Андрей! Говорят, скоро решится вопрос с моей отставкой. Господи, скорей бы уж. Тогда я смогу совершенно предаться делу. Мы должны основать новый журнал, жить своею самостоятельной жизнью и внести общечеловеческое — свое, русское, самобытное. Ну сколько можно тянуть за Европою да за французским! Я вот многому научился на Востоке. Мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания. Поверь мне, там, на Востоке, — тайник богатый откровений.

Тот день мы провели с Андреем почти до вечера, завтракали, потом обедали и непрестанно говорили, вернее — непрестанно говорил я:

— Ну, Андрей, наиздавал ты здесь много моего, пока я вояжировал. Спасибо тебе. На меня такая мода — разрывают. Да. А ведь было время, когда я искал доступа в это общество, и двери салонов были для меня закрыты. Теперь я возбуждаю любопытство, передо мною заискивают, меня всюду приглашают, самые хорошенькие женщины выпрашивают у меня стихи и хвастают ими, как величайшей победой. А желающие, чтобы в их салонах собирались замечательные люди, хотят,

чтобы я бывал у них, потому что ведь я тоже... Да, художник должен пройти через это: преодолеть искушения необыкновенностью и дожить до простоты — без позы, байронизма, так сказать, без гордыни и самоуничужения, ведь главное свойство высокой, пылающей души — простота. Если он выживет в суете этой и доживет до внутреннего покоя — он спасен. Спасен сам и может помочь многим: ведь он переболел чумою мелочного тщеславия и распада, не предал истины ни за какие искушения дьявола...

Когда мы прощались, уже в прихожей, подавая мне саблю, Андрей сказал:

— Твое последнее стихотворение — дивная вещь! Превосходная, но там есть в одном стихе маленький грамматический промах, неправильность.

— Что такое?

— «Из пламя и света рожденное слово...» Это неправильно, не так. По-настоящему, по грамматике надо сказать: «Из пламени и света...».

— Да если этот «пламень» не укладывается в стих? Это вздор, ничего. Ведь поэты позволяют себе разные поэтические вольности. И у Пушкина их много. Однако... сейчас... попробую... «из пламени света»... «из пламя»... нет, ничего нейдет в голову! Печатай так, как есть. Сойдет с рук...

— Хорошо. — Андрей задал мне последний вопрос: — Зачем ты не берешь ничего за свои стихи? Книгопродавцы готовы платить тебе, как Пушкину, по золотому за каждый стих.

Я ответил:

— Можно сказать словами Гёте: «Песня, которая льется из уст, сама по себе есть лучшая награда». Гёте прав. Истинно сказано, Андрей: даром получили, даром отдавайте...

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ПРАВОСЛАВНОЕ КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

**ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ
НА ЖУРНАЛ СВЯЖИТЕСЬ С НАМИ:**

По электронному адресу: **exp@pcroc.ru**
По телефону: **8 495 789-90-45** (добавочный **22-33**)

Минимальный срок подписки на журнал —
6 месяцев.

Стоимость подписки на один месяц —
100 рублей.

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

БИОГРАФИЯ

Дмитрий Михайлович Володихин — российский историк, писатель, литературный критик, издатель. Член Союза писателей России. Доктор исторических наук, доцент. Опубликовал 10 романов, 12 научно-литературных биографий (из них 5 — в серии «Жизнь замечательных людей»), около 50 повестей и рассказов. Работает в жанрах исторического романа, биографии, литературной сказки, научной фантастики, сакральной фантастики. Известен также как автор ряда научных исторических монографий, книг по истории русского средневековья, более четырехсот научных и научно-популярных работ, учебных пособий, публицистических эссе, критических статей, рецензий. Считается автором термина «фолк-истори». Член-корреспондент РАЕН.

Родился 1 июня 1969 года в Москве в семье офицера пограничных войск СССР и учительницы в Москве. Русский. В 1986 году окончил школу № 39 города Москвы. В 1987-1989 годах служил рядовым в подразделениях ПВО Группы советских войск в Германии. В 1993 году окончил исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Специализируется на истории средневековой Руси. С 1991 года работает на кафедре источниковедения и историографии МГУ, доцент. С 1995

года — кандидат исторических наук. Защитил диссертацию по материалам архива Московского Патриаршего дома. С 2011 года — доктор исторических наук (диссертация «Социальный состав высшего командования вооруженных сил России в 1530-1570-е гг.»). В 1992-1993 годах работал редактором в издательстве «Планета». В 1993-2007 годах — редактор, заместитель главного редактора, исполнительный директор издательства «Аванта+», принимал участие в подготовке выпускающей серии «Энциклопедия для детей» и других изданий, руководитель проектов «Антология мировой детской литературы» и «Антология мировой фантастики». За подготовку «Энциклопедии для детей» был удостоен премии Президента РФ в области образования за 2001 год. В 2007-2008 годах — редактор отдела культуры в общественно-политическом издании «Политический журнал». С лета 2008 по март 2012 года — заместитель главного редактора в историко-культурном журнале «Свой» Никиты Михалкова. С 2011 года преподает на литературных курсах Московской городской организации Союза писателей РФ (группа жанровой романистики). Является заместителем председателя правления Историко-просветительского общества и членом редколлегии альманаха «Историческое обозрение». Основатель и глав-

ный редактор журнала «Русское средневековье».

В 1999 году стал одним из основателей объединения писателей-фантастов, историков, журналистов и литературных критиков имперско-патриотического направления — литературно-философской группы «Бастион». В ее рамках руководил литературным семинаром для начинающих писателей-фантастов «Малый Бастион». Входит в созданный при ней в 2006 году Карамзинский клуб. Был членом историко-культурного общества «Московские древности» с 2009 по 2012 год.

С 2014 года советник директора Российского института стратегических исследований.

Свои общественно-политические взгляды определяет как государственнические и имперские. С апреля 2006 года по декабрь 2007-го и с января по декабрь 2009 года — председатель Координационного Совета (КС) Лиги консервативной журналистики. Член Центрального совета движения «Народный собор».

Литературным дебютом Володихина стала публикация в «Студенческом меридиане» в 1991 году рассказа «Прорыв». С 1997 года публиковал обзорные статьи и рецензии в еженедельнике «Книжное обозрение». С конца 1990-х выступает с публицистическими и критическими статьями в журналах «Если», «Знамя», «Нева», «Москва», «Наш современник», «Иркутский Кремль» и др. Как писатель-фантаст дебютиро-

вал в 2000 году рассказом «Популяция хитрых котов».

С середины «нулевых» стал писать меньше фантастики и большее внимание уделять русской истории. Создал ряд жизнеописаний государей, полководцев и святых Московского государства. Считает, что работа, связанная с углубленным вниманием к психологии и вере деятелей прошлого, позволяет извлекать «притчи» из их судеб.

Член Союза писателей России. Секретарь жюри литературной премии «Филигрань», член жюри мемориальной премии памяти Кира Булычева и ряда других премий.

В 1997 году начал и возглавил борьбу историков с так называемой «новой хронологией» академика Анатолия Фоменко и произведений иных представителей жанра фолк-истори, претендующих на научность, но отрицающих академическую историю.

За литературную деятельность отмечен премиями «Странник», журнала «Москва», журнала «Если», премиями имени А. С. Хомякова, «Золотой Кадуцей», «Серебряный Роскон», имени Тита Ливия за роман «Доброволец» (2007). Кавалер «Карамзинского креста» за роман «Доброволец» (2008). В 2001, 2005, 2008 и 2012 году был финалистом Международной литературной премии имени А. и Б. Стругацких.

В 2013 году награжден Макариевской премией за монографию «Пожарский».

БИБЛИОГРАФИЯ

Проза, публицистика, критика

- Философия абсолютной печали. Сборник эссе. — М.: «Восток», 1995.
- Мы — террористы. Повесть. — М.: «Мануфактура», 1999.
- Полдень сегодняшней ночи. Роман. — М.: «АиФ-принт», 2000.
- Золотое солнце. Роман. — М.: «АСТ», 2002 (в соавторстве с Натальей Мазовой).
- Убить миротворца. Роман и рассказы. — М.: «АСТ», 2003.
- Конкистадор. Роман. — М.: «АСТ», 2004.
- Дети Барса. Роман. — СПб: «Азбука-классика», 2004.
- Долиной смертной тени. Роман и повесть. — М.: «РИПОЛ-классик», 2005.
- Команда бесстрашных бойцов. Роман и повесть. — СПб: «Азбука-классика», 2005 (в соавторстве с К. Кленом).
- Созерцатель. Сборник повестей и рассказов. — М.: «АСТ», 2005.
- Доброволец. Роман. — СПб: «Лениздат», 2007.
- Интеллектуальная фантастика. Монография и статьи. — М.: «ИПО», 2007.
- Митрополит Филипп. Историческая драма с элементами мистики. — М.: «ИПО», 2007.
- Маленькая княгиня. Сборник сказок. — Рига: «Снежный ком», 2010.
- Группа эскорта. Роман. — М.: «АСТ», 2011 (в соавторстве с Александром Зоричем).
- Братья Стругацкие. — М.: «Молодая гвардия» (серия «Жизнь замечательных людей», в соавторстве с Г. М. Прашкевичем).

- Три эссе о Санкт-Петербурге. Сборник эссе. — М.: «Воздушный транспорт», 2012.
- Мастер побега. Роман. — М.: «Астрель», 2012.
- Тихое вторжение. Роман. — М., 2013.
- Московский миф. Сборник эссе. — М., 2014.
- Поклонение культуре. Статьи о братьях Стругацких. — Севастополь, 2014.
- Цветок с Мадагаскара. Сборник сказок. — Севастополь, 2014.

Труды по истории

- Книжность и просвещение в Московском государстве XVII века. Монография. — М., 1993.
- Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII—XVI веков. Монография. — М., 1994 (в соавторстве с Д. Н. Александровым).
- Замечательные российские историки XVIII—XIX веков. Учебное пособие. — М., 1995.
- Состав привилегированного купечества в первой половине XVII века. Научный справочник. — М., 1996 (в соавторстве с Т. Б. Соловьевой).
- «Очень старый академик». Оригинальная философия истории Р. Ю. Виппера. Монография. — М., 1997.
- История России в мелкий горошек. Poleмический сборник статей. — М., 1998 (в соавторстве с О. Елисеевой, Д. Олейниковым).
- Очерки по истории отечественных архивов. Учебное пособие. — М., 1999.

- «Высокомерный странник». Жизнь и философия Константина Леонтьева. Сборник статей. — М., 2000.
- Традиция. Сила постоянства (историко-философский феномен Традиции). Монография. — М., 2004 (в соавторстве с С. Алексеевым, К. Бенедиктовым, Н. Иртениной). То же самое с названием «Традиция и Русская цивилизация» («Астрель», серия «Philosophy»), с исправлениями и добавлением приложений.
- История на продажу. Сборник статей. — М., 2005 (в соавторстве с Д. Олейниковым и О. Елисеевой).
- Иван Грозный. Бич Божий. Монография. — М., 2006.
- Отечественная история. Учебник. — М., 2006 (в соавторстве с С. Алексеевым, Г. Елисеевым).
- Воеводы Ивана Грозного. Сборник биографических очерков. — М., 2009.
- Митрополит Филипп. — М., 2009 (серия «Жизнь замечательных людей»).
- Опричина и «псы государевы». Монография. — М., 2010.
- Царь Федор Иванович. — М., 2011 (серия «Жизнь замечательных людей»).
- Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. Монография. — М., 2011.
- Иван Шуйский. Монография. — М., 2012.
- Малюта Скуратов. — М., 2012 (малая серия «Жизнь замечательных людей»).
- Пожарский. Монография. — М., 2012.
- Царь Федор Алексеевич. — М., 2013 (серия «Жизнь замечательных людей»).
- Великие люди Русской Церкви. Сборник биографических очерков. — М., 2014.
- Патриарх Гермоген. — М., 2015 (серия «Жизнь замечательных людей»).

ГЛАВНОЕ В МОЕЙ ЖИЗНИ ПРОИСХОДИЛО МЕЖДУ ХРАМОМ И БИБЛИОТЕКОЙ

ИНТЕРВЬЮ

— Сейчас среди православных авторов большой популярностью пользуется жанр биографии. Что бы Вы как профессиональный историк и автор нескольких биографических книг посоветовали таким писателям? И какие личности и темы русской истории Вы бы им предложили для работы в первую очередь?

— Историю по большому счету пишет Господь Бог. И в каждую человеческую жизнь заложена некая притча, а может быть, и не одна. И эта притча служит для того, чтобы люди вглядывались в нее и думали: этот известный или, возможно, не очень известный исторический деятель совершал в определенных обстоятельствах

те или иные поступки и говорил те или иные слова. Справедливо ли, по-христиански ли он поступал? Человек совершал нравственный выбор. И мы, смотря на него, должны совершить свой нравственный выбор.

В жизни людей минувшего времени содержится то, что Господь хотел сказать людям будущего, в том числе и нам. Поэтому очень важно, чтобы писатель, работая над биографиями людей прошлого, не искажал их нравственный облик: не подмазывал, не подрумянивал, не показывал их более патриотическими или, упаси Господь, более либеральными, а строго следовал исторической правде, излагая ее хоть и художественными средствами, но, насколько это возможно, точно.

По поводу выбора темы... В Екатеринбурге на одной из конференций православных литераторов диакон Георгий Максимов, кстати, в прошлом замечательный писатель-фантаст, совершенно справедливо указал на то, что до сих пор чрезвычайно мало художественных книг о новомучениках российских. А ведь это — тот опыт, который ставит нашу Русскую Церковь в один ряд с Церковью раннехристианской, Церковью мучеников, благодаря своей стойкости в вере обратившей в христианство дотоле преследовавшую ее Римскую империю. Но и в отношении новомучеников нужно как можно меньше выделки, приукрашиваний, как можно меньше белли и искажений.

— *В связи со всем сказанным возникает законный вопрос: а как в православной художественной литературе вымысел, без которого никакая литература невозможна, должен соотноситься с действительностью?*

— Художественный вымысел, когда он не противоречит исторической правде, разумеется, вполне оправдан. Другое дело, что православные писатели часто начинают баловаться выдуманными чудесами и пророчествами, которые приписывают чуть ли не каждому сельскому батюшке. Таким образом, они погружают себя и читателя в какой-то фантазийный мир, мир выдуманной христианской эзотерики. Подобные измышления — довольно опасная вещь, потому что на этом пути можно уйти очень далеко неведомо куда. Можно просто отойти от Бога. Как мне кажется, это один из самых страшных пороков современной православной литературы (но, увы, не единственный).

— *А можно и о других недостатках православной литературы нашего времени?*

— Другой порок, может быть, наименее серьезный, — это представление о том, что воцерковленность может заменить талант, а публицистические пассажи и благочестивые цитаты — литературные образы. Конечно же, выдержки из святых отцов и, тем более, Священного Писания очень нужны и полезны, но для того, чтобы ознакомиться с ними, надо обращаться не к художественной литературе, а к первоисточникам: святоотеческим трудам и самой Библии. Когда литературное произведение перепичкано христианской публицистикой и представляет собой сборник цитат, оно приносит скорее не благо, а вред. У любого читателя неизбежно возникает вопрос: а зачем мне читать вырванные из контекста и поданные в чьей-то трактовке высказывания, скажем, преподобного Иоанна Дамаскина или евангелистов, если я могу непосредственно

обратиться к трудам этого святого отца или Евангелию.

Наконец, еще один недостаток, гораздо более тонкий и сложный. В современной христианской литературе очень остро стоит вопрос самоцензуры: что допустимо писать, а о чем писать не следует? Сколько можно показать из того, что относится, скажем, к взаимоотношениям мужчины и женщины? Сколько можно показать плотского, сколько связанного с насилием или с грехами и пороками? Где та грань, переходя которую, писатель разжигает дурные страсти в людях. И вместе с тем, где та грань, где литература из христианской становится скопческой (я имею в виду ситуацию, когда какие-то очень важные стороны нашей жизни не находят своего отражения в литературном произведении по причинам ложного благочестия)? Это очень сложные и тонкие вопросы. И всякий писатель должен понимать, что эту грань определяет он сам и отвечает перед Богом за этот выбор. Было бы очень хорошо, если бы современные христианские писатели не производили книги для евнухов, и в то же время не разжигали дурные страсти, следуя

запросам нынешнего потребительского общества.

Вообще современной православной культуре я хотел бы пожелать, чтобы она не была слишком уж современной. Дереву, для того, чтобы пустить корни, нужна почва. Дерево не растет из воздуха.

— *А в чем истоки Вашего собственного литературного творчества?*

— Моя почва, почва, на которой я работаю — это Москва, со всеми ее древностями и святынями. В Москве есть одно очень древнее, замечательное место — Ивановская горка. Так вот, если встать на Ивановской горке там, где начинается Старосадский переулочек, лицом к спуску к улице Солянка, то за спиной будет Владимирский храм, справа — Государственная публичная историческая библиотека, а слева — маленький Иоанновский монастырь. В этом месте мне очень хорошо, очень уютно. Это место — как вся моя жизнь. Самое главное, что в ней происходило, происходило между храмом и библиотекой. Вот моя почва.

ДВЕ МОСКВЫ

ПУБЛИЦИСТИКА

Нынешняя Москва — это две Москвы, живущие друг с другом в тесном объятии, по необходимости терпящие друг друга, но разные по происхождению своему, по идеалам и устремлениям. Каждая из них воспринимает вторую как

раковую опухоль в своем теле. Каждая хотела бы избавиться от второй, вырезать ее... Но где взять такие силы? Где отыскать таких врачей? Ведь подобная операция означает миллион надразов, сделанных по всему телу города, рассечение мно-

гих его внутренних органов, такую перемену быта, которая при любом исходе обернется великой болью и долгой немощью.

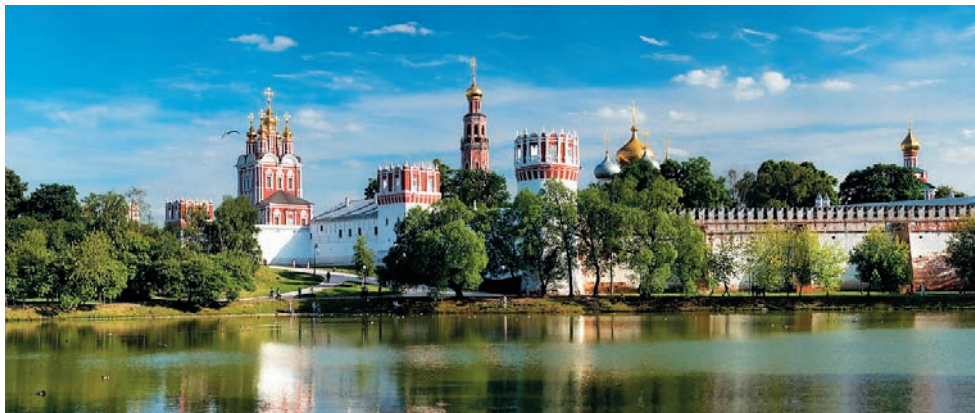
И, однако, перемена должна произойти. Двум душам в теле одного города не ужиться. Одна из них покинет Москву, расточится, или хотя бы ослабеет до такой степени, что окажется в полном подчинении у другой. Так будет. И хорошо, если трансформация эта пойдет мирным маршрутом, медленно, постепенно. Взятое с бою, надрывно, в ярости и кипении, созданное путем ломки и перекраивания, в конечном итоге прочным не бывает. Да и обходится слишком дорого. Поэтому — лучше бы великая борьба приняла формы эволюции, неспешного количественного роста на одной из сторон, перед тем как совершится окончательный качественный переход к ее преобладанию.

Итак, одна душа Великого города — странная, заемная, нечистая. Последнее слово в этом ряду — самое верное. Это именно «нечистый дух», разрушитель и соблазнитель. Он ничего не производит, он к творчеству не способен, ибо в натуре его нет иных потенциалов, помимо способности обезьянничать, искать свою корысть, прельщать и подчинять слабые души. Именно он творит тот фантом темной и жестокосердной Москвы, который так ненавидят по всей России. Суть его ложь, фальшь, самозванство; света он не любит, правды опасается. Возрос он из идеала личного комфорта, материального благосостояния и, в конечном итоге, всегда означает приоритет денег.

В Москве слишком много собралось такого человеческого материала, который не только не способен создавать нечто новое, красивое, полезное, но даже и то, что имеется в наличии, не

может поддерживать в должном состоянии; более того, когда речь идет об исполнении административных, профессиональных, нравственных обязанностей, уже и они оказываются на втором плане. Тысячи московских чиновников, охваченные властью нечистого духа, обогащаются, брезгуя своей работой, превращая ее в источник дохода, душу и совесть свою продавая по кусочку ежедневно и ежечасно. Тысячи высших предпринимателей, сойдясь с теми же чиновниками в темном альянсе, высасывают из казны деньги на пустое; и даже взяв из казны на стоящее дело, исполняют его худо, немислимо дорого, а то и вовсе не исполняют, удовлетвовавшись дележом добытого. Тысячи их защитников, вооруженных стражей, мыслят о долге своем как о нудной необходимости — устрашая народ, очищая у него карманы.

Что они видят в будущем своем, помимо роскоши — все возрастающей, принимающей самые невероятные формы, близкие уже к бессмыслице, но столь пленительной? Да ничего. Ни города, ни страны, ни народа, ни веры, ни даже самой простой доброты человеческой. Тех, кого интересует нечто большее, выходящее за пределы этой роскоши, они люто презируют. И в среду свою им трудно принять такого человека. Дело их жизни — игры пустоты. Деньги, созданные трудом страны и ее естественными богатствами, обращаются в бумаги административных циркуляров, в воздух спекулятивных операций. Эта Москва слишком обильна дорогими машинами, нелепыми скоплениями геометрических ритмов, которые именуются «бизнес-центрами», слишком много тратит на роскошь, ни в малой мере не являющуюся необходимостью, слишком цинично соревнуется в том, сколько зо-

лота пойдет на очередной монументальный толчок, воздвигнутый в очередном «замке» на Рублевском шоссе.

В искусстве она выражает себя дорогостоящим сумбуром.

Пляски электрических огней на фасадах казино, хаотическая разностилица архитектуры, бесконечный кубофутуризм и неоконструктивизм банков, торговых центров, корпоративных бараклов... Обыкновенное тупое распутство, выведенное на сцену в немислимо дорогих декорациях, в немислимо дорогом техническом оформлении, безголосое и безмысленное. Культ холеного тела. Сентиментальная жвачка. Тыгылкающие интонации. Беллетризация потаенных фантазий того безбрежного воинства, которое навечно приковано к офисным компьютерам. И очень большое желание заменить тех, кто живет не так, не того желает, не тем силам подчинен, на полки и армии безгласных «гастов».

Эта Москва распространяет по Российской державе вонь. Не зря у слов «золото» и «золо-

тарь» столь много общего! Золотой блеск бешеной удачи, — триумфа в распутстве, в преступлении, в подлости, но все-таки именно успеха — тянет сюда слабых людей со всей страны. Придите, поклонитесь тельцу, и он, быть может, пожалует, осыплет купюрами! Или даже позволит красоваться на телеэкранах. О, если ты попал в «ящик», не выполнил ли ты жизненное предназначение?

Поэтому миф, растущий, поднимающийся от этой Москвы, черен. Он обещает: да, там, в пределах МКАД, лежит Эльдorado. Умный, ловкий, энергичный человек может озолотиться с ног до головы, оттерев косных стариков, послав подальше скучных моралистов и отшвырнув со своего пути тупых ленивых коренных москвичей. Спешите! Вас будут знать миллионы. У вас на счету будут миллиарды. Явитесь на поле чудес, приложите ваши способности, деритесь, ломайте хребты, отдавайтесь, даже работайте много, если ничего другого не остается, и ваше будущее обеспечено. Итак, бросьте всё, придите, поклонитесь тельцу...

Рядом с этой душой Москвы, внутри нее, проникая в нее и со стоном выдерживая ответные проникновения, обитает совершенно другая.

Иная душа издревле живет в Великом городе, время от времени обновляясь. Она — Порфиородная, самим Богом призванная властвовать. По сосудам ее течет царственный дух, как тек он по венам Рима и артериям Константинополя, как наполнял он капилляры Иерусалима. Эта душа благородна, чиста, сильна. Ее сила рождается из крепкого стояния на вере. И даже в те времена, когда Христова истина шаталась на Руси, претерпевала гонения, была унижена и опозорена, в Москве она все-таки не теряла корней, жила, выживала, поднималась на ноги после страшных бо-

лезней, после многолетнего истощения. Пусть в советское время ее не знали, не могли знать миллионные массы москвичей, но все-таки присутствие ее чувствовалось. Тепло, исходившее от храмов, эстетическое чувство, коим веяло от старинных домов, от древних улиц и переулочков, возведенных предками-христианами, сила земли, шедшая от прекрасных московских парков, и даже обезображенная краса Кремля, когда-то призванного оборонять эту царственность, рождали глухое ощущение прекрасной силы, ушедшей в подвалы души, немощствующей, притаившейся, но все-таки ожидающей своего часа.

Вот она возродилась. Сотни тысяч, быть может, миллионы пошли в храмы, узнали молит-

венное правило, исповедь и причастие. Да хотя бы и те, кто ни разу не бывал в церкви, но все-таки унаследовал от родителей, от дедов и прадедов, ум, энергию, колоссальную русскую жизнестойкость, колоссальное русское трудолюбие, естественную порядочность, доброту, склонность к милосердию, — что ж, и они стоят на фундаменте христианских добродетелей, до сих пор не до конца разрушенных, до сих пор управляющих судьбами Русской цивилизации.

Это другая Москва. Она трудится, не щадя себя. На двух, а если понадобится, на трех работах, честно добывая хлеб насущный. Она делает свое дело, как надо. А по ночам садится за рабочий стол дома, чтобы украсть у сна время, необходимое для творчества. Она не кичится ни богатством, ни пропиской, ни столичным статусом. Она просто подставляет хребтину под вялую тушу первой, пустой Москвы, она пашет, как и вся Россия, она желает изменить положение дел к лучшему, как и вся Россия, она ищет путей развития, — таких, когда каждому даровано будет право расти в меру способностей, обеспечивать себя и свою семью в меру приложенных усилий, относиться к соотечественникам как к одной большой дружелюбной семье, — как и вся Россия...

Эта Москва обладает колоссальной творческой силой. Недаром здесь всегда были в почете разного рода интеллектуальные кружки, студии, сборища художников, писателей, поэтов, ученые общества, клубы разного рода профессионалов, группы высокоумных спорщиков, не вылезавших из дискуссий о высших смыслах бытия. Здесь каждый с бешеным упорством ищет применения личной потенции — творческой, интеллектуальной, художественной. Здесь витальность хлещет

через край. Здесь не любят выходные, поскольку они выбивают из рабочего ритма. Впрочем, работать можно и дома. А можно пойти в театр, музей, пройтись по улицам, где сохранилась благородная старина... Здесь презируют бездельников. Здесь свысока посматривают на весь тот гламур, который притягивает к себе искателей приключений из разных концов страны — тот самый, блестящий золото-золотарский... Здесь издавна живут в напряженном ритме, опасаясь «не успеть хоть что-то успеть» в этой жизни.

Иногда кажется, что вторая Москва вся обращена в прошлое. Что она поживет еще немного и модернизируется до состояния питательного бульона для сверхсовременной и сверхбессовестной первой Москвы. Что она вконец иссядет, ничего не останется...

Ан нет, здесь любят не прошлое, а вечное. И выходя из кривых переулочков Ивановской горки, из приарбатского кружева, из тенистых сонных анфилад между Поварской и Тверской, высшие, вечные смыслы посещают великие проспекты московского юга, забредают на пролетарские окраины, тревожат умы завсегдаев в кафешках на Бульварном кольце.

Москва вторая привыкла к величию и жаждет отыскать продолжения тех ампирических коридоров, которые ведут от времен князей-Даниловичей во времена звездолетов. Коридоры эти пресекались, своды обрушились, выросли какие-то грязные нелепые двери, перекрывающие дорогу. Но тут все можно вычистить, отстроить заново, снять с петель лишнее. А лишнее это и есть Москва-первая — скопище ленивого, опасного, подлого люда.

Лучшие символы Москвы-Порфиrogenиты, и ее же концентрированная совесть — монастыри.

Не напрасно столько усилий вложено в их восстановление. И скачущий пульс духовной жизни города сплетен с неподвижным монастырским духом, с тягою москвичей к старинным обителям. Обителями истинная Москва укореняется, обителями славится, обителями очищается, обители придают ей вес посреди бессмысленных пустот стяжательской суеты.

В искусстве Москва вторая выражена через тягу к культурному хранительству. Ее силами реставрируются храмы, особняки, доходные дома в стиле модерн, создаются новые музеи, новые театры, ставятся новые памятники. Среди тех, кто принадлежит духу Порфирородной, любимое развлечение — пройтись по тем улицам, где живы еще прошлые века: с XVI-го по начало XX-го, погружаясь душой и мыслями в мир России, «которую мы потеряли». В торжественную ее праздничность, в мощь военную, в кипение торгов и купеческие неохватные затеи, в парение времени между переключкою стрельцов на кремлевских стенах и гомоном салонов Пушкинской поры.

Порфирогенита отторгает всё, что идет вразрез с ее державностью. И груды современных бизнес-построек воспринимается ею как нечто неприличное, — большей частью, не из-за того, что Порфирогенита отрицает все новое, а из-за того, что нет в лихорадочном свечении неоновых ламп, в бетонометаллическом месиве абстрактных форм и в утлой роскоши «мерсов» ничего живого. Это не новое, это морок, безвременье, тяжкий хмельной сон, отягощенный кошмарными видениями. Чем тут дорожить? Чем восхищаться? Что продолжает древнюю судьбу Москвы, а не противоречит ей? Пустое отвергается,

но ведь на то оно и пустое. Однако, лишь только появится нечто, родственное багрянородной душе Москвы, так сразу же становится оно своим, срастается с нею нерасторжимо. Например, когда дворец в Царицыне, брошенный еще при Екатерине II, был достроен, мгновенно стал он частью державной Москвы, мгновенно был ею принят. Храм на Бутовском полигоне — плоть от плоти истинной Москвы. Как, впрочем, и величественный Троицкий храм на Борисовских прудах, посвященный тысячелетию Крещения Руси, выполненный в византийском стиле, расписанный Василием Нестеренко со товарищи. Или нарядные храмы Святой Троицы в старых Черемушках, иконы Пресвятой Богородицы «Державная» в Чертанове... Или скульптуры работы Вячеслава Клыккова... Или живопись Павла Нестеренко, Ольги Крестовской, Валерия Харитоновна... Или подземный музей на Манежной площади...

Миф, который порождается истинной Москвой, принимает образ надежды. Москва христианская, византийско-русская, обещает новый рассвет. Обещает мост из прошлого в будущее, пролегающий над грязным болотом настоящего. В этом мифе нет ни тьмы, ни безнадежности. Напротив, он наполнен солнцем, ощущением начинающейся весны, ароматами цветущей черемухи и сирени. И пусть весна эта едва-едва выбирается из грязных, смерзшихся снегов, пусть холодными водами залиты низины, пусть дороги разбрюзгли, а все-таки она неостановимо катится к лету, к очередному расцвету русскому. Москва вторая — навигатор будущей России, прошедшей Второе Крещение и рехристианизирующей мир.

ВЛАДИМИР ВОРОПАЕВ

БИОГРАФИЯ

Владимир Алексеевич Воропаев (род. 13 ноября 1950, Москва) — российский литературовед, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук (1997, диссертация «Гоголь в последнее десятилетие его жизни: новые аспекты биографии и творчества»), член Союза писателей России.

Председатель Гоголевской комиссии Научного совета «История мировой культуры» РАН, член диссертационных советов по русской литературе и фольклористике при МГУ имени М. В. Ломоносова и МПГУ, член Экспертного совета Российского гуманитарного научного фонда, эксперт Российского научного фонда, член Научного совета Мемориального центра «Дом Гоголя», член редколлегии ряда литературоведческих и научно-популярных изданий.

Опубликовал более 800 научных и научно-популярных работ по истории русской литературы. Основная специализация: жизнь и творческое наследие Н. В. Гоголя.

Подготовил к изданию несколько собраний сочинений Гоголя, в том числе Полное собрание сочинений и писем в 17 томах (М.: Издательство Московской Патриархии, 2009-2010).

Награжден золотой Пушкинской медалью в номинации «Литература и публицистика» (1999), памятной юбилейной Гоголевской медалью (2009), орденом Преподобного Нестора Летописца 1-й степени (Украинская Православная Церковь (2010), Патриаршей грамотой (2010), дипломами «Лучший филолог года» филологического факультета МГУ, почетными грамотами и дипломами Издательского совета Русской Православной Церкви, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Лауреат Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» (2009), Национальной премии «Лучшие книги и издательства года» (2009), премии Союза писателей России «Имперская культура» им. Эдуарда Володина в номинации «Литературоведение» (2015).

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

• Духом схимник сокрушенный... Жизнь и творчество Н. В. Гоголя в свете Православия. — М., 1994.

• Н. В. Гоголь: Жизнь и творчество. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. — М., 2008 (серия «Перечитываем классику»).

• Гоголь над страницами духовных книг. Научно-популярные очерки. — М., 2002 (серия «Православные просветители России»).

• Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. — М., 2008 (2-е изд., испр., доп. — М., 2014).

• Издания произведений и писем Н. В. Гоголя: Библиография. — Киев, 2010.

• Однажды Гоголь...: Рассказы из жизни писателя. — М., 2014.

• Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 томах. — М., 2009-2010. [Составление, подготовка текстов и комментарии (совместно с И. А. Виноградовым)].

Полное собрание сочинений и писем Н. В. Гоголя издано по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла к 200-летию со дня рождения писателя. Собрание сочинений включает в себя все художественные, литературно-критические, публицистические и духовно-нравственные произведения Гоголя (в том числе незавершенные), а также записные книжки, подготовительные материалы по истории, фольклору и этнографии, выписки из творений святых отцов и богослужебных книг, пометы на Библии, дарственные

надписи на книгах. Впервые в полном объеме издана переписка Гоголя (включая ответы его адресатов). Все тома снабжены сопроводительными статьями и комментариями.

Большой массив текстов печатается по рукописям. Среди них «Тарас Бульба», «Старосветские помещики», отдельные главы «Выбранных мест из переписки с друзьями», черновые наброски второго тома «Мертвых душ» и многое другое. Впервые по автографам печатаются народные песни (русские и малороссийские), собранные Гоголем. В издание вошли также ранее не известные переводы писателя, например, перевод «Увещательных глав» диакона Агапита святому благоверному царю Юстиниану.

Особо следует сказать о «Летописи жизни и творчества Гоголя», которая составила 16-й том настоящего собрания. На строго документальной основе с привлечением многочисленных архивных материалов в хронологическом порядке представлены сведения о жизни и творческом пути великого писателя. Подобная Летопись составлена впервые. Издание нового Полного собрания сочинений и писем Н. В. Гоголя в семнадцати томах получило научное и общественное признание как в России, так и за рубежом (см., например, Лепяхин В. В. Важнейшее событие в гоголеведении // Москва, М., 2011. № 4. С. 194-197; Литература в школе. М., 2011. № 8. С. 47). В 2010 году на Форуме издателей во Львове издание было отмечено специальным дипломом.

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДЫ НЕТ БЕЗ ПРАВДЫ БОЖИЕЙ

ИНТЕРВЬЮ

— Скажите, по Вашему мнению, православная литература является каким-то особым явлением или органической частью общего литературного процесса?

— Не уверен, что православную литературу можно выделить в какой-то особый вид литературы. Вся русская словесность в своих лучших проявлениях православная. В этом отношении нельзя разделить веру и талант. «Человек есть его вера», — сказал философ-славянофил Иван Киреевский. Между художественным даром и духовностью нет непримиримых противоречий. Святитель Игнатий Брянчанинов, знаменитый аскет, был одновременно и подлинным художником слова. В его творчестве церковное и светское, духовное и художественное слились в неразделимом единстве. Известно, как святитель Игнатий тщательно прорабатывал свои произведения, ставя себе в пример Пушкина.

— А в чем выражаются эти православные черты в русской литературе и, соответственно, в чем ее духовное значение для современного человека?

— Русская классика всегда вечна и всегда современна, ибо она несет на себе ответ вечной и неизменной, а значит, всегда актуальной Божественной истины. Размышляя о добре и зле, о

судьбах мира, о тайне смерти, о высоте любви, о чести и бесчестии, о силе самопожертвования русская литература острее всех иных литератур мира поставила вопрос о совести, о нерасторжимой связи человека с Богом, о смысле человеческой жизни. Русская литература устанавливает истинно христианский взгляд на внутренний мир человека. Она, как говорил Гоголь, является незримой ступенью ко Христу.

Художественной правды не может быть без правды Божией. Именно поэтому даже в советские времена чтение русской классической литературы защищало от агрессивной идеологической пропаганды. Именно через русскую литературу поколения советских людей, пусть выборочно и бессознательно, впитывали в себя нормы христианского отношения к жизни, к человеку. Так же современна и вечна литература советской эпохи, воспевшая ратный подвиг солдат. Наши писатели-фронтовики стали нашими классиками, и они до сих пор на передовой линии фронта.

Русские писатели всегда учили правильному, то есть духовному пониманию патриотизма. По словам того же Гоголя, для служения России нужно иметь и подлинную любовь к каждому человеку, то есть сделаться истинным христианином. В том, что традиционные ценности остаются неизблемыми в России, есть немалая заслуга русской литературы. Поэтому для воспитания в подрастающем поколении христианского взгляда на

мир необходимо прививать молодым людям и любовь к чтению классической литературы. Этим должны заниматься родители, школа, государство. Русская классическая литература, несомненно, сказала доброе слово в мире. Она несет свет любви и надежды.

Наша читательская аудитория сегодня — миллионы людей на всей планете. Во многом это происходит благодаря современным средствам массовой информации. Но радио, телевидение, интернет никогда не заменят «живую» книгу. Думаю, книга никогда не умрет. Пока будет существовать человечество, будет жить и книга. Будет жива Россия — будет жить и русская литература.

— *А сами Вы какие книги любите?*

— Сложный вопрос... Хорошие. Современных авторов я почти не читаю. Любимой книги у меня, может быть, даже и нет. Самая нужная книга — это Евангелие. А вот любимая... Я люблю Гоголя. У меня 800 работ и 120 книг, посвященных творчеству этого писателя. По благословению Святейшего Патриарха Кирилла мы с моим учеником выпустили 17 томов сочинений и писем Гоголя к его 200-летию юбилею, в 2009 году. Это уникальное научное издание с учетом всех рукописей писателя. И переписка: письма не только самого Гоголя, но и письма к нему. То есть, титанический труд, труд всей жизни. А до этого я еще издавал девяти томник, пяти томник, трех томник... А количество однотомников, с предисловием редакции «Детской литературы» для детей, для школьников уже и сложно вспомнить.

РАССКАЗЫ О ГОГОЛЕ

ИЗ КНИГИ «ОДНАЖДЫ ГОГОЛЬ...»

Вместо предисловия

Гоголь однажды сказал, что человек со временем становится тем, чем смолоду был. А каким был он сам в детстве и отрочестве? О школьных годах Гоголя, времени его пребывания в Гимназии высших наук в Нежине сохранилось немало воспоминаний его школьных товарищей. Существует мнение, что Гоголь обратился в своем творчестве к духовным темам лишь в зрелые годы жизни. Но, по воспоминаниям его соучеников, он уже в школе прекрасно знал весь ход Боже-

ственной службы, а однажды, недовольный плохим пением на клиросе, поднялся туда и стал петь с хором, тщательно произнося слова молитв. Впрочем, разных интересных случаев было много в отрочестве и дальнейшей жизни Гоголя. В этих коротких историях открывается внутренний мир великого русского писателя.

Маленький стихотворец

Пяти лет от роду Гоголь вздумал писать стихи. Никто из домашних не помнил, какого рода

стихи он писал. Но в памяти Марии Ивановны (матери Гоголя — *прим. ред.*) сохранился случай, когда известный литератор Василий Капнист, заехав однажды к отцу Гоголя, застал его пятилетнего сына за пером. Малютка Гоголь сидел за столом, глубокомысленно задумавшись над каким-то сочинением. Капнисту удалось просьбами и ласками уговорить ребенка-писателя прочесть свое произведение. Гоголь отвел Капниста в другую комнату и там прочел ему свои стихи. Капнист никому не сообщил о содержании этих стихов. Глубоко тронутый услышанным, он вышел к домашним Гоголя, лаская и обнимая маленького сочинителя, и сказал: «Из него будет большой талант, дай ему только судьба в руководители учителя-христианина».

У кого лучше вышло

В Нежинской гимназии профессор словесности Парфений Никольский заставлял учеников сочинять стихи. На одном уроке Гоголь подал ему стихотворение Пушкина, кажется, «Пророк». Никольский прочел, поморщился и, по привычке своей, начал переделывать. Когда пушкинский стих профессором был вконец изуродован и возвращен мнимому автору с внушением, что так плохо писать стыдно, Гоголь не выдержал и сказал: «Да ведь это не мои стихи-то». — «А чьи?» — «Пушкина. Я нарочно вам их подsunул, потому что никак и ничем вам не угодить, а вы вон даже и его переделали». — «Ну, что ты понимаешь! — воскликнул профессор. — Да разве Пушкин безграмотно не может писать? Вот тебе явное доказательство. Вникни-ка, у кого лучше вышло».

Сочтите за мной

По рассказам нежинских соучеников, Гоголь еще в школьные годы никогда не мог пройти мимо нищего, чтобы не подать ему, и если нечего было дать, то всегда говорил: «Извините». Однажды ему даже случилось остаться в долгу у одной нищенки. На ее слова: «Подайте Христа ради» он ответил: «Сочтите за мной». И в следующий раз, когда та обратилась к нему с той же просьбой, он подал ей вдвойне, добавив при этом: «Тут и долг мой».

Похороны Александра Македонского

Однажды на уроке учитель всеобщей истории с большим жаром рассказывал про подвиги Александра Македонского и, заключив смертью, сказал: «Ну, господин Гоголь-Яновский, а по смерти Александра Македонского что последовало?» — «Похороны», — ответил он. Весь класс захохотал вместе с учителем.

Поклон его превосходительству

Нестор Кукольник, нежинский соученик Гоголя, рассказывает, что у директора гимназии Ивана Семеновича Орлая в Полтавской губернии, в Миргородском уезде, было маленькое имение, при котором состояло всего шесть душ. Имение это находилось по соседству с деревней матери Гоголя. С этим обстоятельством связан следующий забавный случай. Иван Семенович не жаловал, если ученики во время занятий оставляли классы и прогуливались по коридорам, а Гоголь любил такие прогулки, и потому не мудрено, что частенько натыкался на директора, но всегда

выходил сухим из воды при помощи одной и той же проделки. Завидя Ивана Семеновича издали, он не прятался, шел прямо к нему навстречу, раскланивался и докладывал: «Ваше превосходительство! Я сейчас получил от матушки письмо. Она поручила засвидетельствовать вашему превосходительству усерднейший поклон и донести, что по вашему имени идет все очень хорошо». — «Душевно благодарю! Будете писать к матушке, не забудьте поклониться и от меня и поблагодарить». Таков был обыкновенный ответ Ивана Семеновича, и Гоголь безнаказанно продолжал свою прогулку по коридорам.

Как Гоголь притворился сумасшедшим

В Нежинской гимназии, хотя и редко, но применялись телесные наказания. Нестор Кукольник рассказывает, как однажды, еще в нижних классах, Гоголь чем-то провинился и чтобы избежать наказания, притворился сумасшедшим. «Плохо, брат! — сказал ему кто-то из товарищей, — высекут!» — «Завтра!» — отвечал Гоголь. Но приговор утвержден, явились классные надзиратели. Вдруг Гоголь вскрикивает так пронзительно, что все испугались, и сходит с ума. Подымается суматоха; Гоголя ведут в больницу. Директор гимназии, Иван Семенович Орлай, дважды в день навещает его. Гоголя лечат, друзья ходят к нему в больницу тайком и возвращаются с грустью: помешался, решительно помешался! Словом, до того искусно притворился, что все были убеждены в его помешательстве. И когда после двух недель успешного лечения его выпустили из больницы, приятели долго еще поглядывали на него с сомнением и опасением.

Оба соврали

Однажды Гоголь, прогуливаясь по аллеям лицейского сада, толкнул плечом одного из воспитанников, на что тот сказал ему: «Дурак!» — «Ну, ты умный, — ответил Гоголь, — и оба мы соврали...».

Как работал Гоголь

Известно, что Гоголь по несколько раз переписывал свои произведения, каждый раз внося в текст существенные исправления и добавления. Поэт и переводчик Николай Берг в своих воспоминаниях приводит слышанное им самим от Гоголя поучение, как надо писать. «Сначала нужно набросать все как придется, — говорил он, — хотя бы плохо, водянисто, но решительно все, и забыть об этой тетради. Потом через месяц, через два, иногда более (это скажется само собою) достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не так, много лишнего, а кое-чего и недостает. Сделайте поправки и заметки на полях — и снова забросьте тетрадь. При новом пересмотре ее новые заметки на полях, и где не хватит места — взять отдельный клочок и приклеить сбоку. Когда все будет таким образом исписано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно. Тут сами собой явятся новые озарения, урезы, добавки, очищения слога. Между прежних вскочат слова, которые необходимо там должны быть, но которые почему-то никак не являются сразу. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не делайте ничего или хоть пишите другое. Придет час — вспомнится заброшенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тем же способом, и когда снова она будет

измарана, перепишите ее собственноручно. Вы заметите при этом, что вместе с крепчением слога, с отделкой, очисткой фраз — как бы крепчает и ваша рука; буквы становятся тверже и решительнее. Так надо делать, по-моему, восемь раз. Для иного, может быть, нужно меньше, а для иного и еще больше. Я делаю восемь раз. Только после восьмой переписки, непременно собственной рукою, труд является вполне художнически законченным, достигает перла создания».

Под гром бильярдных шаров

Тот же Берг вспоминает, как однажды на вечеру у Степана Петровича Шевырева, кто-то из гостей, несмотря на принятое всеми знавшими Гоголя правило не спрашивать его ни о чем, особенно литературных работах и замыслах, — не удержался и заметил ему, что это он смолк: «ни строки, вот уже несколько месяцев сряду!». Ожидали простого молчания, каким отделялся обычно Гоголь от подобных вопросов, или ничего не значащего ответа. Николай Васильевич грустно улыбнулся и сказал: «Да! Как странно устроен человек: дай ему все, чего он хочет, для полного удобства жизни и занятий, тут-то он и не станет ничего делать; тут-то и не пойдет работа!» Потом, помолчавши немного, он рассказал следующее:

«Со мною был такой случай: ехал я раз между городками Джансано и Альбано, в июле месяце. Среди дороги, на бугре, стоит жалкий трактир, с бильярдом в главной комнате, где вечно гремят шары и слышится разговор на разных языках. Все проезжающие мимо непременно тут останавливаются, особенно в жар. Остановился и я. В то

А. С. ПУШКИН. Рисунок Н. В. Гоголя

время я писал первый том "Мертвых душ", и эта тетрадь со мною не расставалась. Не знаю почему, именно в ту минуту, когда я вошел в трактир, захотелось мне писать. Я велел дать столик, уселся в угол, достал портфель и под гром катаемых шаров, при невероятном шуме, беготне прислуги, в дыму, в душной атмосфере забываясь удивительным сном и написал целую главу, не сходя с места. Я считаю эти строки одними из самых вдохновенных. Я редко писал с таким одушевлением».

Гоголь и Евангелие

Известно, что Гоголь никогда не расставался с Евангелием. «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии, — говорил он. — Сколько раз уже отшатывалось от него человечество и сколько раз и обращалось». По свидетельству современников, Гоголь ежедневно читал по главе из Ветхого Завета, а также Евангелие на церковнославянском, латинском, греческом и английском языках. Ольга Васильевна Гоголь-Головня, сестра писателя, вспоминала: «Он всегда при себе держал Евангелие, даже в дороге. Когда он ездил с нами в Сорочинцы, в экипаже читал Евангелие. Видна была его любовь ко всем. Никогда я не слыхала, чтобы он кого осудил».

Эмилия Ковриго, сирота, воспитанница матери Гоголя, рассказывала, что в ее отроческие годы Николай Васильевич учил ее грамоте, и когда выучил, то первой книгой, которую она с ним прочитала, было Евангелие. «И эти уроки и беседы о любви к ближнему, — вспоминала она, — так глубоко запали в мою детскую душу, что никакие невзгоды жизни не могли бы поколебать во мне веры в истину христианской любви, о которой он мне с такой силой говорил и которая на каждом шагу осуществлялась в семье Гоголей».

Мощи святого Спиридона Тримифунтского

В Оптиной пустыни сохранилось предание, пересказанное преподобным Амвросием. Во время пребывания в этой обители Гоголь рассказывал отцу Порфирию Григорову, издателю жития и писем затворника Задонского Георгия, что он видел мощи святого Спиридона Тримифунтского и был свидетелем происшедшего от

них чуда. При нем мощи, которые были не только нетленны, но в продолжение пятнадцати веков сохраняли мягкость, обносились вокруг города, как это ежегодно совершается 12 декабря (по старому стилю) с большим торжеством. Все бывшие тут прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы прорезана и тело набальзамировано, потом, однако, решился подойти, и мощи сами обратились к нему спиной. Англичанин в ужасе пал на землю пред святыней. Этому были свидетелями многие, в том числе и Гоголь.

Образ Николая Чудотворца

В своих странствиях по миру Гоголь не расставался с иконой святителя Николая, своего небесного покровителя. Священник Петр Соловьев, находившийся в составе Русской Духовной миссии в Иерусалиме, оставил воспоминания о встрече с писателем в январе 1848 года на пароходе «Истамбул», следовавшем к берегам Сирии. Гоголь показал ему образ святого Николая Чудотворца, точную копию в миниатюре с иконы святителя в Бар-граде (Бари), и спросил его мнения о качестве изображения. «По всему видно было, что он высоко ценил в художественном отношении свою икону и дорожил ею, как святынею», — вспоминал отец Петр.

Русский Иерусалим

Михаил Александрович Максимович, один из ближайших друзей Гоголя, рассказывает о встрече с ним после трехлетнего перерыва в Киеве, в августе 1835 года. По его словам, Гоголь

уже тогда поразил его своей глубокой религиозной настроенностью. «Он пробыл у меня пять дней, — вспоминает Максимович, — или, лучше сказать, пять ночей, ибо в ту пору все мое дневное время было занято в университете, а Гоголь уезжал с утра к своим нежинским лицейским знакомцам и с ними странствовал по Киеву. Возвращался он вечером, и только тогда начиналась наша беседа. Нельзя было мне не заметить перемены в его речах и настроении духа; он каждый раз возвращался неожиданно степенным и даже задумчивым... Я думаю, что именно в то лето начался в нем крутой переворот в мыслях — под впечатлением древнерусской святыни Киева, который у малороссиян XVII века назывался Русским Иерусалимом».

Будьте как дети

Как-то раз Гоголя спросили, не лучше ли детям бегать и резвиться по воскресеньям, нежели ходить в церковь? На это он ответил: «Когда от нас требуется, чтобы мы были, как дети, какое же мы имеем право от них требовать, чтобы они были, как мы?»

В другой раз Гоголь сказал: «Всего лучше читать детям книги для больших, вот историю Карамзина с девятого тома».

Лепажевское ружье

Павел Васильевич Анненков вспоминает, как однажды при Гоголе рассказан был «канцелярский анекдот о каком-то бедном чиновнике, страстном охотнике за птицей, который необычайной экономией и неутомимыми, усиленными трудами сверх должности накопил сумму, доста-

точную на покупку хорошего лепажевского ружья рублей в 200 ассигнациями. В первый раз, как на маленькой своей лодочке пустился он по Финскому заливу за добычей, положив драгоценное ружье перед собою на нос, он находился, по его собственному уверению, в каком-то самозабвении и пришел в себя только тогда, как, взглянув на нос, не увидел своей обновки. Ружье было стянуто в воду густым тростником, через который он где-то проезжал, и все усилия отыскать его были тщетны. Чиновник возвратился домой, лег в постель и уже не вставал: он схватил горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавших о происшествии и купивших ему новое ружье, возвращен он был к жизни, но о страшном событии он уже не мог никогда вспоминать без смертельной бледности в лице... Все смеялись анекдоту, имевшему в основании истинное происшествие, исключая Гоголя, который выслушал его задумчиво и опустил голову. Анекдот был первой мыслию чудной повести его "Шинель", и она заронила в душу его в тот же самый вечер».

О Тарасе Шевченко

Как-то в разговоре со своим земляком Осипом Максимовичем Бодянским Гоголь сказал: «Я знаю и люблю Шевченко как земляка и даровитого художника... Но его погубили наши умники, натолкнув его на произведения, чуждые истинному таланту. Они все еще дожевывают европейские, давно выкинутые жваки. Русский и малоросс — это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение одной в ущерб другой невозможно». При этом Гоголь говорил: «Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски... надо

стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня — язык Пушкина, какую является Евангелие для всех христиан».

Русская душа

Гоголю не нужно было выяснять, малороссиянин он или русский — в споры об этом его втянули друзья. В 1844 году он так отвечал на запрос Александры Осиповны Смирновой: «Скажу вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характера, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве».

О понимании природы души

В один из приездов в Оптину Пустынь Гоголь прочитал рукописную книгу — на церковнославянском языке — преподобного Исаака Сирина (с которой в 1854 году старцем Макарием было

подготовлено печатное издание), ставшую для него откровением. В монастырской библиотеке хранился экземпляр первого издания «Мертвых душ», принадлежавший графу Александру Петровичу Толстому, а после его смерти переданный иеромонаху Клименту (Зедергольму), с пометами Гоголя, сделанными по прочтении этой книги. На полях одиннадцатой главы, против того места, где речь идет о «прирожденных страстях», он набросал карандашом: «Это я писал прелести (обольщения. — В. В.), это вздор — природженные страсти — зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении природженных страстей — теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о «гнилых словах», здесь написанных. Мне чулось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении природженных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение «Мертвых душ». Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души, встречаем у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, — не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души».

У Престола Господня

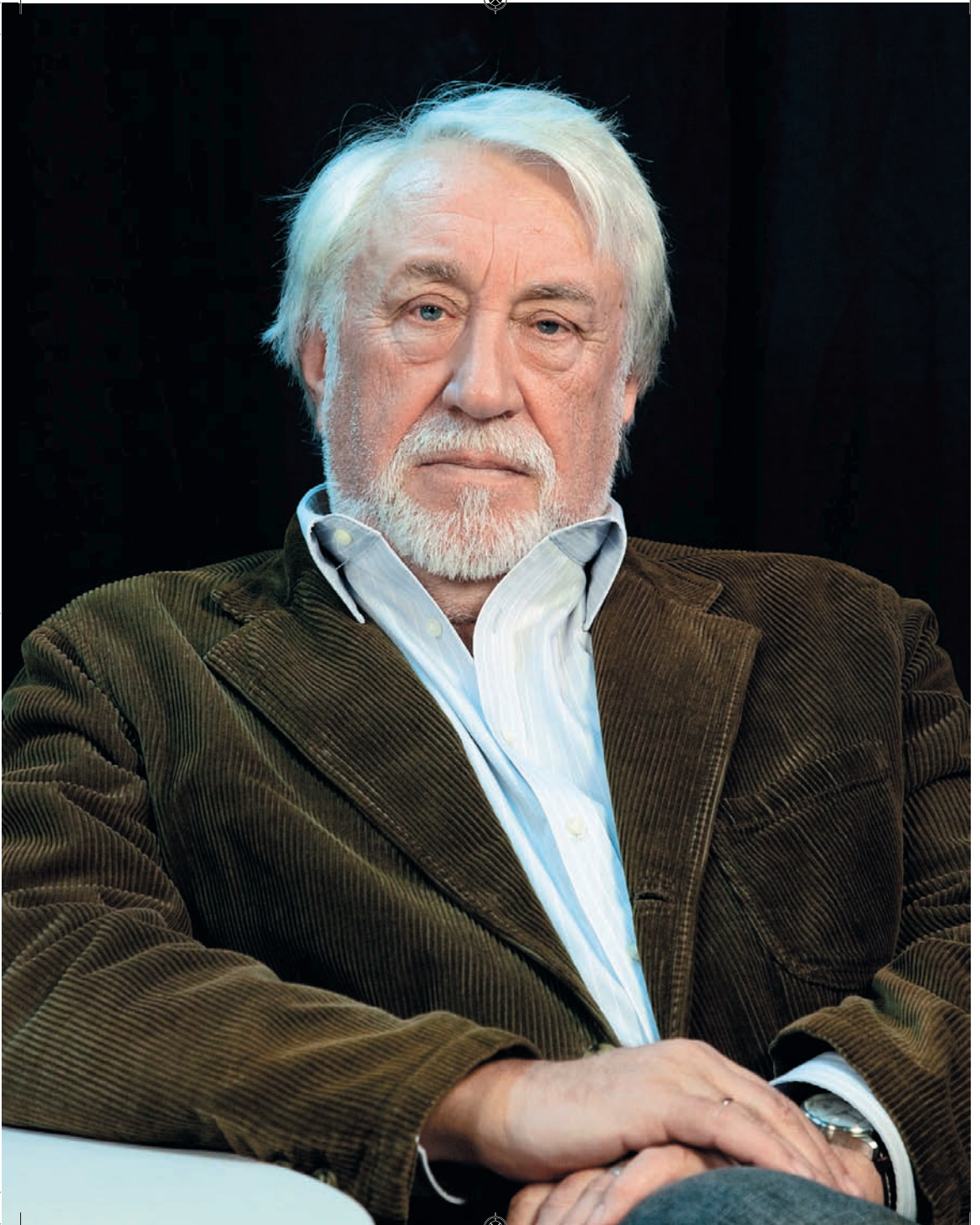
Григорий Петрович Данилевский, автор исторических романов, лично знавший Гоголя и совершивший в мае 1852 года поездку на родину

ЗОЛОТЫЕ ворота в Иерусалиме. Дореволюционная фотография

писателя, рассказывает в своих воспоминаниях, что местные крестьяне не хотели верить, что Гоголь умер, и среди них родилось сказание о том, что похоронен в гробе кто-то другой, а барин их будто бы уехал в Иерусалим и там молится за них. В этом сказании есть глубокая духовная правда. Гоголь действительно переселился в Горний

Иерусалим и там из своего чудного, но таинственного и неведомого нам далека, у Престола Господня, молится за всю Русскую землю, чтобы непоколебимо стояла она в Православной вере и чтобы больше было в ней правды и любви, — ведь это и являлось главной заботой великой души великого русского писателя.

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ

БИОГРАФИЯ

Юрий Михайлович Кублановский, поэт, эссеист, публицист и литературный критик, родился 30 апреля 1947 года в Рыбинске в семье провинциальных интеллигентов. В 1970 году окончил искусствоведческое отделение исторического факультета Московского государственного университета. Работал экскурсоводом и научным сотрудником на Соловках, в Кирилло-Белозерском монастыре, в Муранове и других музеях.

В 1976 году обнаружил открытое письмо в поддержку А. И. Солженицына, после чего был лишен возможности работать по профессии, и служил сторожем, дворником, истопником в храмах Москвы и Подмосковья. В 1982 году, после выхода за границу поэтического сборника, под-

готовленного к печати Иосифом Бродским, был вынужден эмигрировать. Через восемь лет первым из политических эмигрантов вернулся в Россию.

Заведовал отделом публицистики, а затем поэзии в журнале «Новый мир».

Автор многих поэтических сборников, вышедших в США, Франции, России. Кублановский — лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры за 2012 год, отмечен многими литературными наградами, в том числе Литературной премией Александра Солженицына, Новой Пушкинской премией. Почетный гражданин города Рыбинска.

Живет в пос. Переделкино (Подмосковье).

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Избранное. — Энн Арбор: «Ардис», 1981.
- С последним солнцем. — Париж: La Presse Libre, 1983.
- Оттиск. — Париж: YMCA-Press, 1985.
- Затмение. — Париж, YMCA-Press, 1989.
- Возвращение. — М.: «Правда», 1990.
- Оттиск. — М., 1990.
- Чужбинное. — М.: «Московский рабочий», 1993.
- Число. — М.: Изд-во Московского клуба, 1994.
- Памяти Петрограда. — СПб: Пушкинский фонд, 1994.
- Голос из хора. — Париж-М.-Нью-Йорк, 1995.
- Заколдованный дом. — М.: «Русский путь», 1998.
- Дальше календаря. — М.: «Русский путь», 2001.

- В световом году. — М.: «Русский путь», 2001.
- На обратном пути. — М.: «Русский мир», 2006.
- Дальше календаря. — М.: «Время», 2006.
- Переключка. — М.: «Время», 2009.
- Посвящается Волге. — Рыбинск: «Медиа-рост», 2010.
- Изборник. — Иркутск: Издатель Сапронов, 2011.
- Чтение в непогоду: Избранное. — М.: «Викмо-М»; «Русский путь», 2012.

ВЕЩЕЕ БЕСПОКОЙСТВО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИНТЕРВЬЮ

— *Поэзия, как мне представляется, невозможна без постоянного поиска нового поэтического языка. Вместе с тем, наверное, было бы большой ошибкой отказываться от наследия действительно великой русской литературы и преемственности с ее прежними достижениями. Каков Ваш взгляд на проблему новаторства и традиции в поэтическом творчестве?*

— Для себя я еще где-то в двадцатилетнем возрасте, когда только начинал писать стихи, поставил такую творческую задачу — новизна в каноне. Чтобы не было ни одного затрепанного эпитета, все звучало как впервые, и, вместе с тем, чтобы все было канонично. Как в русской иконописи есть разные школы, и ни одна икона не похожа на другую, но, вместе с тем, все они подчинены единому духовному канону, так и я мечтал устраивать мир своей лирики. Получилось ли это у меня и насколько хорошо получилось, судить читателю.

— *Существует расхожее мнение, что литература, особенно поэзия, в идеале это — бескорыстное служение слову, и перед ней нельзя ставить каких-то прагматических задач, даже таких важных и очевидных, как, например, воспитание подрастающего поколения. Согласны ли Вы с этим?*

— Лично меня радуют юноши и девушки, которые приучены читать и хотя бы по школьной программе в свои 15-16 лет прочитали великие произведения русской классики. Это внушает оптимизм, поскольку, как замечательно сказал Василий Розанов, русская литература существует под углом вечных беспокойств. Без этого вечного вещего беспокойства нет русского литературного слова. И как хотелось бы, чтобы молодые люди в наше время всей душой, всем сердцем переняли это вещее беспокойство русских писателей. Надо заинтриговать юную душу проблемами русской жизни того времени, когда творили наши классики, чтобы тот же XIX

век не казался какой-то давно прошедшей эпохой погибшей цивилизации, ибо русская история, история русской культуры едина и нераздельна. Нужно чувствовать эту преемственность. Очень важно, чтобы огонь интереса к русской литературе не угасал, а наоборот, школьное образование было направлено на возгревание этого интереса.

— Если признать воспитательную роль литературы, то необходимо также будет поставить вопрос и о нравственной ответственности писателя за то поколение, которое вырастет в том числе, и под влиянием его творчества, оказываемом, например, на воспитание патриотические чувства?

— Я придерживаюсь той точки зрения, что русский писатель, безусловно, невозможен без осознания своей ответственности. Если не ошибаюсь, Николай Васильевич Гоголь, сказал,

что слово — это лучший подарок Бога человеку, поэтому обращаться с ним нужно бережно. Если этого бережного отношения и осознания своей ответственности нет, то автор будет лишь растекаться мыслью по древу, безответственно стучать по клавишам, набирая на экране своего компьютера бессмысленный и бесконечный текст, не проработанный, не продуманный и часто оборачивающийся для читателя нравственной деструкцией. Особенно это касается темы патриотизма. Я уверен, какая-то специальная литература, которая бы несла в себе постоянный напряженный патриотический пафос, будет даже вредна для воспитания любви к отечеству. Искренний патриотизм должен разливаться по тексту так, как это мы видим, например, в «Войне и мире», или в других русских исторических романах. Это самоорганика. И, вот, совмещение такой художественной органики и осмысленных задач, ответственности литератора — и рождает настоящее творчество.

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Рисунок

Утренний ровный свет
стеклянного потолка.
На ватмане твой портрет
рисует моя рука
твердым карандашом.
И это в разы трудней
натурщицы нагишом

А. и М. Якутам

и яблоч, сравнимых с ней.
Тем паче нормандских скал,
призрачных их громад,
где старый прибой устал
и стал отступать назад.

Нынче на склоне лет
все-то мое добро —
грифеля беглый след,
темное серебро.

Но все светлей и светлей
ровный лист под рукой —
без паспарту, полей
он будет один такой.

Не вспышки сангины, не
масло с густым мазком
у нищих духом в цене,
а то, как ты мнешь во сне
наволочку виском.

2012

Ноябрьская элегия

*Стала я подругой мужа
и теперь из-за реки
вижу родину все ту же,
те же в рощах огоньки.*

Е. С.

Подчистую сдули листву ветра,
забурев, на землю она упала.
Тишина такая — как до Петра
перед самым благовестом бывала.

Барбарис от холода потемнел,
клонит гриву, схваченную морозцем.
Я стоял за лирику как умел,
став ее поверженным знаменосцем.

За рекою роща обнажена
и зажегся вдруг огонек ночлега.
От греха подальше накинь, жена,
шерстяной платок накануне снега.

Скоро волны белые будут спать
и фосфоресцировать у порога,
а несметность космоса искушать

неопределенностью — и мешать
прямодушной вере в живого Бога.

30.XI.2012

Перед снегом

Н. Струве

В патине инея шиповник красный
и друг его — барбарис гривастый.
А день то пасмурный, то снова ясный,
нам разом близкий и безучастный.

Бывает жемчуг холодный, холодный
до серизны,
бывает палевого оттенка —
и то и то сегодня над нами:
бесшумная маневренность облаков,
приобретающих консистенцию дымки
и перистого тумана,
тусклое жерло солнца, на которое не больно
смотреть...

Это ли небеса,
где обетовано насытиться правдой?

18.XII.2012

Проводы (1967)

Под соснами на белом холоде
пивком и слипшеюся сушкой
когда-то провожали молодость,
подняв воротники, с подружкой.

Она казалась худощавее,
когда затягивалась шипкой

и, чувствуя свое бесправие,
потом кривила рот улыбкой.

Тогда в родной тмутаракании
нас окрылял не красный дома,
а полосатый стяг на здании
заокеанского обкома.

Еще искали смыслы ошупью
и были все вокруг живые,
стихами, годными для площади,
срывали связки горловые.

Та мезонинная окраина
с пивнушкой в конце аллеи
занесена, точнее, впаяна
в труды, и дни, и пропилеи.

Недаром вместе с гулом улицы
вдруг настигает на рассвете
вкус наших ласк, свободолюбца,
и никотина в сигарете.

Сумерки на Босфоре

1

Сухогрузы, баржи и разная мелюзга,
напоминающая издали джонки,
дрейфуют
в ожиданье прохода через Босфор.
И уже зажглись огоньки.

В золотом пространстве Святой Софии,
мнится, рыцарь,

похожий на ослабленного зверька
или космического пришельца,
распатронивает добычу.

Но — надо знать места:
еще в закутах цела
чудом парча мозаик —
глаз не оторвать от несказанной их красоты.

Страшно за будущее,
за Богородицу в алтарной апсиде,
за благородство ее архаики,
за православный люда,
и там и тут,
сжимаемый до фрагментов мозаики.

2.V.2013

2

Палевые сумерки на Босфоре.
Будто свечи, теплятся огоньки судов
перед таможенным шмоном.

2013

И глоток вина на ветру веранды,
теребящем скатерти и салфетки,
тут не в пику пеню муэдзинов,
переключке их с минаретов
и орнаменту голубой расцветки.

Ох, чего только не бывает в подлунной,
не забуду новостную картинку:
бедуины рысью на драмадерах
в гуще бунтующей молодежи
скачут на шеренгу армейцев...

Нынче ж Ближний Восток на Страстной
седмице

представляется поспокойней,
чем в недавние нулевые:
в храме Гроба Господня обошлось без давки,
без бомбежек в целом по региону.

Правда, длилась, кажется, много дольше
ночь ареста Господа Иисуса.
Несмотря на тени костров на лицах,
гнезда автоматчиков на границе,
чем я старе — тем эта ночь темнее.

S.V.2013

3

С каждым годом все тяжелей бывает
мне читать евангельские страницы
про арест, и пытки, и поруганья,
и уж вовсе, вовсе невыносимо
про предательство Петром Иисуса,
перекрытое петушиным криком.

Будто сам себя я при этом вижу
у костра, и жарко лицу, но холод
по спине бежит, и сжимают сердце
мне тиски предчувствия новой веры,
новых бед несметных
и упований.

Скоро одряхлеют арены Рима,
все его триклинии и парилки,
и завалит густо идущим снегом
нашей кровью пропитанные опилки.
Провиденье русским обрубит лапы:
не видать им тусклых огней Босфора.
Но не быть ему и под властью Папы.
Не пойму, кому здесь дается фора.
Неужели Всемирному Халифату?

Но пока сиреневому закату
в глубине гостиничного коридора.

S.V.2013

* * *

При слове Шекспир представляем кровь на
клинке
вместе с небосклоном в закатный час,
колтуны в пеньке
волос и так много значащую для нас
утопленницу в венке.
Но мне примстилось, что именно тут
на сыром и влажном кладбище
недалеко от прибора
уж скорее место суровым его героям:
мыслителям, воинам и изгоям,
чем добродетельному семейству
с заметной тягой к эпикурейству.
Тем паче что над обрывом замок
в такую пору
никак не кажется новоделом
и зовёт меня, астматика, вдруг признаться,
что я всё еще о-го-го,
и взбежать по скату тропы легко
на ложе, с которого не подняться.

Май 2013

* * *

Пожар сердца
Утром, когда ненастно,
ветрено и ветвисто,
точный самодиагноз
юного футуриста
я почему-то часто
стал вспоминать на скате
жизни не безучастно,
а как больной в палате.

Точно не помню даты
жизни, но так бывало:
и у меня когда-то
слева в груди пылало.
Да и теперь, похоже,
что-то там тлеет тоже,
как огонёк спиртовки
иль приходской бытовки.
Долгой зимою сонной
я, воротясь с терраски,
тёплой водой с лимоном
залил больные связи...
Кажется, дольше века
угли того пожара
таеют под толщей снега
и не дают угара.

2013

Перемена погоды

Е. Муриной

Негде укрыться лебедю от крупного снега,
вот и приходится под тесным сводом моста,
пригибаясь, пережить ненастье,

когда, наконец, вновь загорятся кроны
всеми оттенками меди, ржави и сургуча.
А белесоватая бирюза заполнит небо

и позовет:

— Сезанн,
самородок с характером интроверта,
чей сюртук неизменно пег,
на треноге испытанного мольберта
твой мазок на свежий похож побег...

16.XII.2013

Зевс и Даная

Памяти Аси Богемской

Дождь оборвался рано
душным июльским днем.
Хочешь, на Тициана
встретимся и пойдем?
Страждущую Данаю,
может быть, там в момент
издалека узнаю,
словно опять студент
преет над Кватроченто
в сессию, как в страду.
И сновидений лента
с влюбчивостью в ладу.

Сколько прерывных нитей
в щели струилось штор
и не сбилось наитий,
чаемых до сих пор!

Ветер с волхонских горок
пух тополей принес.

Стал я — ведь путь мой долог —
сед до корней волос.

И приближаясь к краю
жизненного плато,
страждущую Данаю
стал забывать... Зато
выучился без толку,
как не уметь встарь,
в заводях бара долго
пить золотой вискарь.

Август 2013

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

БИОГРАФИЯ

Новелла Николаевна Матвеева (род. 7 октября 1934, Детское Село, Ленинградская область) — русский поэт, прозаик, бард, драматург, литературовед.

С 1950 по 1957 год Матвеева работала в детском доме Щёлковского района

Московской области. В 1962 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького.

С детских лет пишет стихи, печатается с 1958 года. Первый сборник издан в 1961 году; второй («Кораблик») в 1963 году.

С 1961 года член Союза писателей СССР.

С конца 1950-х годов Новелла Николаевна сочиняет и исполняет под собственный акком-

панемент на семиструнной гитаре песни на свои стихи.

В 1984 году в Центральном детском театре в Москве была поставлена пьеса Матвеевой «Предсказание Эгля» — фантазия по мотивам произведений Александра Грина, содержащая 33 песни Новеллы Николаевны.

В 1996 году вышла книга воспоминаний «Мяч, оставшийся в небе».

В 1998 году Новелла Матвеева стала лауреатом Пушкинской премии в области поэзии.

В 2002 году Матвеева стала лауреатом Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства.

Живет в Москве.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- «Лирика» (1961)
- «Кораблик» (1963)
- «Душа вещей» (1966)
- «Солнечный зайчик» (1966)
- «Ласточкина школа» (1973)
- «Река» (1978)
- «Закон песен» (1983)
- «Страна прибой» (1983)
- «Кроличья деревня» (1984)
- «Избранное» (1986)
- «Хвала работе» (1987)
- «Нерасторжимый круг» (1991)
- «Мелодия для гитары» (1998)
- «Кассета снов» (1998)
- «Сонеты» (1999)
- «Караван» (2000)
- «Жасмин»
- «Девочка и пластилин»

ИЗ ДИСКОГРАФИИ

- «Песни» (Мелодия, 1967)
- «Стихи и песни» (Мелодия, 1966)
- «Дорога — мой дом» (Мелодия, 1982)
- «Музыка света» (в соавторстве с И. Киуру, Мелодия, 1984)
- «Баллады» (в соавторстве с И. Киуру, Мелодия, 1985)
- «Мой вороненок» (в соавторстве с И. Киуру, Мелодия, 1986)
- «Рыжая девочка» (в соавторстве с И. Киуру, Мелодия, 1986)
- «Какой большой ветер» (ASP, 1997) CD
- «Девушка из харчевни» (ASP, 1997) CD
- «Новелла Матвеева» (Moroz Records, 1999) CD
- «Лучшие песни» (Московские окна, 2000) CD

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕСНИ

Альпинисты

Поскорей наполним нашу —
 Все равно какую — чашу:
 Чашу кратера вулкана
 Или чашечку цветка,
 Угли звонкие раздуем —
 Как-нибудь переночуем...
 Нам живется нелегко —
 Мы уходим далеко,
 Мы пришли издалека.

По саваннам необъятным,
 По лесам невероятным,
 По плато суровых гор,
 Где терновник — в сорок свор —
 Обдирает нам бока.
 А ущелья — как темно в них!
 Но мы сами — как терновник:
 Для тернистой для тропы

На ступнях у нас шипы —
 Мы пришли издалека.

Нас ошпаривала справа
 Вулканическая лава,
 Нас обкатывало слева
 Океана колесо.
 Но — веревками друг друга
 Мы обкручивали туго
 И ползли под облака...
 Мы пришли издалека,
 Мы уходим далеко.

А в плащах-палатках наших
 Мы ходим на монахов:
 Вдалеке от милых жен
 Отрешенный капюшон
 Надвигаем на лицо,
 А под этим капюшоном,
 Синим снегом опушенным,

Как стальная полоса —
Неподкупные глаза.
Мы уходим далеко.

Мы уходим далеко.
Мы уходим далеко.
Мы уходим далеко...

1961

Дома без крыш

Летняя ночь была
Теплая, как зола...
Так, незаметным шагом, до окраин я дошла.

Эти окраины
Были оправлены
Вышками вырезными, кружевными кранами.
Облики облаков, отблески облаков
Плавали сквозь каркасы недостроенных
домов.

Эти дома без крыш — в белой ночной
дали —
В пустошь меня зазвали, в грязь и в глину
завели...

На пустыре ночном светлый железный лом,
Медленно остывая, обдавал дневным теплом.
А эти дома без крыш — в душной ночной
дали —

Что-то такое знали, что и молвить не могли!

Из-за угла, как вор, выглянул бледный двор:
Там, на ветру волшебном, танцевал
бумажный сор...

А эти дома без крыш словно куда-то шли...
Шли...
Плыли, — как будто были не дома, а корабли...

Встретилась мне в пути между цементных
волн
Кадка с какой-то краской, — точно в теплом
море — челн;
Палка-мешалка в ней — словно в челне —
весло...

От кораблей кирпичных кадку-лодку отнесло.
Было волшебно все: даже бумажный сор!
Даже мешалку-палку вспоминаю до сих пор!..
И эти дома без крыш, — светлые без огня;
Эту печаль и радость;
Эту ночь с улыбкой дня!

1961-1962

Девочка и пластилин

Я леплю из пластилина,
Пластилин нежней, чем глина.
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак.
Если кукла выйдет плохо —
Назову ее дуреха,
Если клоун выйдет плохо —
Назову его дурак.

Подошли ко мне два брата.
Подошли и говорят:
«Разве кукла виновата?
Разве клоун виноват?
Ты их лепишь грубо-вато,
Ты их любишь мало-вато,
Ты сама и виновата,
А никто не виноват».

Я леплю из пластилина,
А сама вздыхаю тяжело,

Я леплю из пластилина,
Приговариваю так:
Если кукла выйдет плохо —
Назову ее... бедняжка,
Если клоун выйдет плохо —
Назову его... бедняк.

1968

Страна Дельфиния

Набегают волны синие.
Зеленые? Нет, синие.
Как хамелеонов миллионы,
Цвет меняя на ветру.
Ласково цветет глициния —
Она нежнее инея...
А где-то есть земля Дельфиния
И город Кенгуру.

Это далеко! Ну что же? —
Я туда уеду тоже.
Ах ты, боже, ты мой боже,
Что там будет без меня?
Пальмы без меня засохнут,
Розы без меня заглохнут,
Птицы без меня замолкнут —
Вот что будет без меня.

Да, но без меня в который раз
Отплыло судно «Дикобраз».
Как же я подобную беду
Из памяти сотру?
А вчера пришло, пришло, пришло
Ко мне письмо, письмо, письмо
Со штемпелем моей Дельфинии,
Со штампом Кенгуру.

Белые конверты с почты
Рвутся, как магнолий почки,
Пахнут, как жасмин, но вот что
Пишет мне родня:
Пальмы без меня не сохнут,
Розы без меня не глохнут,
Птицы без меня не молкнут...
Как же это без меня?

Набегают волны синие.
Зеленые? Нет, синие.
Набегают слезы горькие...
Смахну, стряхну, сотру.
Ласково цветет глициния —
Она нежнее инея...
А где-то есть страна Дельфиния
И город Кенгуру.

Кораблик

Жил кораблик веселый и стройный:
Над волнами как сокол парил.
Сам себя, говорят, он построил,
Сам себя, говорят, смастерил.

Сам смолою себя пропитал,
Сам оделся и в дуб и в металл,
Сам повел себя в рейс — сам свой лоцман,
Сам свой боцман, матрос, капитан.

Шел кораблик, шумел парусами,
Не боялся нигде ничего.
И вулканы седыми бровями
Поводили при виде его.

Шел кораблик по летним морям,
Корчил рожи последним царям,

Все ли страны в цвету, все ль на месте, —
Все записывал, все проверял!

Раз пятнадцать, раз двадцать за сутки
С ним встречались другие суда:
Постоят, посудачат минутку
И опять побегут кто куда...

Шел кораблик, о чем-то мечтал,
Все, что видел, на мачты мотал,
Делал выводы сам, — сам свой лоцман,
Сам свой боцман, матрос, капитан!

Песня о холмах

Конь при дороге траву щипал,
Ночь наступила — и конь пропал...
Если пойдешь за конем вослед —
Скоро мелькнет за холмами свет.

Там разместился веселый стан,
Стан разместился бродяг-цыган.
Там, на холмах, под гитарный звон
Слышались песни былых времен.

Тропка по сумраку чуть вилась...
Издали, издали чудилось:
В таборе том, в старых песнях тех
Не было слов, кроме «ах» да «эх».

Что же так тянет меня туда?
Что же так манит на дальний свет?
В сердце ведь нет у цыган стыда,
А рассудить — так и сердца нет!

В темных глазах — океана дно,
Вечные звезды и вечный путь,

А на душе — лишь одно, одно:
Как бы последний твой грош стянуть!

Что же так тянет туда меня?
Что же так манит на дальний свет,
Если в цыганских преданиях
Даже и слов настоящих нет?

Или бранят песнопевцев зря?
Зря облагают наветами?
Или приблизиться к ним нельзя
Даже совсем не поэтому?

Нет, не пойду я на дальний свет.
Встану — покину ковыльный рай...
Только, цыганочка, пой мне вслед,
Только позвонче, цыган, играй...

Капитан без усов

Вот передо мною море голубое,
Плещет волна, волна.
Знаю о чем, о чем
Шепчет она, она.
Шепчет она о том, что нет предела
Снам и мечтам, мечтам.
И все зовет, зовет
К дальним местам, местам.

Я хочу под ветром яростным
Плыть, плыть, плыть на судне парусном.
Право, нравятся мне очень мало
Корабли без парусов.
Может быть, они удобнее
И во многом бесподобнее,
Все равно они подобны старым
Капитанам без усов.

Капитан без усов, усов —
 Словно судно без парусов,
 А капитаны с усами —
 Словно суда с парусами.
 В чем клянусь вам шаландами,
 Неграми шоколадными,
 Льдиной, моржом, эскимосом,
 Якорем, трапом и тросом.

Что обращаюсь я к волне безвестной,
 Словно к родной, родной?
 Мечта о плавании
 Ты не со мной, со мной.
 Море и небо почернели грозно,
 Парус надут, надут,
 В гавань суда сюда
 Вновь не придут, придут.

Я хочу под ветром яростным
 Плыть, плыть, плыть на судне парусном.
 Право, нравятся мне очень мало
 Корабли без парусов.
 Может быть, они удобнее
 И во многом бесподобнее,
 Все равно они подобны старым
 Капитанам без усов.

Капитан без усов, усов —
 Словно судно без парусов,
 А капитаны с усами —
 Словно суда с парусами.
 В чем клянусь вечно юными
 Рыболовными шхунами,
 Яхтой, баркасом, вельботом
 И старичком пакетботом.

Реквизит одного поэта

Все прелое, все квелое, томленное,
 Все — шмяклое, наплывшее на край
 Губы... Но в то же время все — ядерное,
 Бой-бабистое, прочное, как ларь,

Брыкастое, бедрасто-беспардонное,
 В большом платке, цветастом, как букварь,
 Хотя притом — опять-таки — сморенное,
 Сомлелое... И муть... И хмырь... И хмарь...

Должно быть, надо много умудренности;
 Вопреки надо быть, но удалым,
 Чтоб совмещать теорию ядерности
 Все время с чем-то прелым и гнилым.

Неуж тебе и вспомнить не случается,
 Что крутосварье прелью исключается?!

На поэта, пинающего собаку

Поэт, пинающий собаку, божусь,
 Не вступит с тигром в драку.
 И не напишет, хоть убей,
 Ни «Илиад», ни «Одиссей».
 А в довершение обиды,
 Не сотворит и «Энеиды».

У лорда Байрона был пес,
 Любимый Байроном всерьез.
 «Друг самый верный, самый близкий», —
 Писал о нем поэт английский...

А ты — собаку пнул ногой.
 Нет, ты не Байрон! Ты — другой...

Поэты

Памяти Тудора Аргези

Когда потеряют значение слова и предметы,
 На землю, для их обновленья, приходят
 поэты.
 Под звездами с ними не страшно: их ждешь,
 как покоя!
 Осмотрятся, спросят (так важно!):
 «Ну, что здесь такое?»
 Опять непорядок на свете без нас!»

(Крутом суета:
 Мышь ловит кота,
 К мосту рукава пришиты..
 У всякой букашки просит защиты
 Бедный великан!
 Зеленый да альый
 На листьях дымок;
 Их бархат усталый
 В жаре изнемог...)

Вступая с такими словами на землю планеты,
 За дело, трягнув головами, берутся поэты:
 Волшебной росой вдохновенья
 кропят мир несчастный
 И сердцем возвращают волненье,
 а лбам — разум ясный.
 А сколько работы еще впереди!

Живыми сгорать,
 От ран умирать,
 Эпохи таскать на спинах,
 Дрожа, заклинять моря в котловинах,
 Небо подпирать!
 (Лучами блистает
 Роса на листе,

Спеша, прорастает
 Зерно в борозде.)

Привет сочинителям славным, чьи судьбы
 предивны!
 Но колбасникам, тайным и явным, поэты
 противны —
 Что в чужие встравляют печали, вопросы
 решают..
 «Ах, вопросы нам жить не мешали:
 ответы — мешают!

И скажут ребятам такие слова:

«Вы славу стяжали,
 Вы небосвод
 На слабых плечах держали,
 Вы горы свернули,
 В русло вернули
 Волны грозных вод...»
 Потом засмеются
 И скажут потом:
 «Так вымойте блюдец
 За нашим котом!»

Когда потеряют значение слова и предметы,
 На землю, для их обновленья, приходят
 поэты;
 Их тоска над разгадкою скверных, проклятых
 вопросов —
 Это каторжный труд суеверных старинных
 матросов,
 Спасующих старую шхуну Земли.

ПРОТОИЕРЕЙ ЛЕОНИД САФРОНОВ

БИОГРАФИЯ

Протоиерей Леонид Сафронов (Сафронов Леонид Александрович; по паспорту Софронов из-за ошибки паспортиста) — священник, поэт, член Союза писателей России.

Родился 19 октября 1955 года в поселке Рудничный Верхнекамского района Кировской области в многодетной семье — тринадцатым, предпоследним ребенком. Отец и мать Леонида Александровича оказались в Рудничном вместе со своими репрессированными родителями.

После школы поступил в Пермское культурно-просветительское училище, оттуда был призван в армию. После демобилизации по комсомольской путевке уехал в Норильск. Работал грузчиком в тундре в тресте «Норильскгазпром». Стал посещать местное литобъединение.

В 1986 году поступил в Литературный институт в Москве. Высокую оценку стихам Леонида Сафронова дали В. И. Фирсов, руководитель поэтического семинара в Литинституте, и писатель В. П. Астафьев, содействовавший первой публикации стихов начинающего поэта в журнале «Студенческий меридиан» (1988, № 9).

В конце восьмидесятых Леонид Сафронов вернулся с семьей на родину.

В 1989 году участвовал в IX Всесоюзном совещании молодых писателей. Тогда же был принят в Союз писателей по рукописи (вопреки установленным в это время правилам приема только при наличии двух изданных книг).

В 1989 году Леонид Александрович со всей семьей принял Святое Крещение. С 1993 года стал петь на клиросе. В марте 1994 года был рукоположен в диаконы, а в феврале 1995 года — в иереи.

В настоящее время настоятель Никольской церкви поселка Рудничный, также окормляет 7 сельских приходов и 6 приходов в исправительных колониях, где благодаря его усилиям заключенными выстроены церкви.

О священническом служении о. Леонида режиссер Марина Дохматская сняла ряд документальных фильмов: «Сорда», «Край», «Воля».

Лауреат литературной премии имени Н. Заболоцкого (2000), литературных премий журналов «Москва» и «Наш современник», Всероссийской литературной премии имени Александра Невского (2011), учрежденной Александро-Невской лаврой. Автор тринадцати поэтических книг.

 ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Наиболее значимые поэтические сборники:

- Затаилась Русь Святая (2009).
- Лесниковая дочь (2009).
- Ходит белый жеребенок (2009).
- Про всех-всех-всех (2010).

«Затаилась Русь Святая» — книга стихов и поэм, написанных автором в 1979-2005 годах в традициях русской поэтической классики. Удостоена литературной премии Правительства Кировской области имени Николая Заболоцкого.

По словам поэта и литературного критика Алексея Смоленцев, автора предисловия к сборнику, протоиерей Леонид Сафронов ищет в поэзии былинное начало, при чрезвычайной простоте поэтического языка пытается вернуть слову его божественные свойства, не потеряет ощущения изначальной поэтической природы русского языка, умерщвляемой машинным прогрессом.

«Лесниковая дочь» — книга стихов, написанных в 2003-2007 годах как для детей, так и для взрослых. В аннотации к сборнику отмечено: «У поэта нет разграничения на взрослую, детскую или церковную поэзию — все пронизано

тонким лирическим светом, характерным для русской классики». Удостоена Всероссийской литературной премии им.

Александра Невского в 2011 году.

Большая часть стихов сборника «Ходит белый жеребенок» предназначены для детей. Они позже были изданы отдельно в красочном, подарочном варианте в книге «Про всех-всех-всех», которая признана лучшей книгой Кировской области 2011 года для детей. Эти стихи учат детей добру, любви, состраданию, взаимопомощи; учат видеть и ценить красоту и гармонию Божьего мира («Колокольчик синий-синий», «Светлячок», «Лосюта» и другие).

Стихи протоиерея Леонида Сафронова охватывают все возрастные детские категории. Среди них и потешки, прибаутки для самых маленьких; сказки, анималистические и игровые стихи для детей среднего возраста; сказы, исторические песни и житийные стихи, стихотворные переложения из русской и мировой классики для подростков.

В стихах второй, «взрослой», части сборника автор развивает тему лирического осмысления христианской веры и судеб России.

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Ангелы

Словно комья кладбищенской глины,
 Полуночной зари полоса:
 Светлый ангел сошел на долины,
 Тихий ангел сошел на леса.
 И, зияющий белым каленьем,
 Опаляя небесный простор,
 Над пропащим от водки селеньем
 Грозный ангел крыла распростер.
 Так невидимых ангелов стая
 Развеивает житейскую грусть,
 Потому и доньне святая
 Наша бедная матушка Русь.
 Оттого до кладбищенской глины
 Душу носят еще телеса...
 Тихий ангел сошел на долины,
 Тихий ангел сошел на леса.
 Вы меня под крестом схороните —
 Ни к чему мне холодный гранит! —
 На кладбище, где Ангел-хранитель
 Наши тленные мощи хранит.

Георгий

Как воин прославлен Георгий,
 Но тайный служитель Христа,
 Победных языческих оргий
 Георгий бежит неспроста.

Но как бы он тайны ни прятал,
 На радость Христовым врагам
 Зовет его сам император
 Земным поклоняться богам.

Как воин на сборы недолгий,
 Забросив на плечи суму,
 Зовет император, Георгий
 Без страха приходит к нему.

Сидит повелитель на троне,
 Всемирной империи страж.
 Холодного сердца не тронет
 Пустая житейская блажь.

Но ныне он празднует труса,
 Как будто в державе распад:
 «Я слышал ты веришь в Иисуса,
 Что был в иудеях распят?!»

Как смеет империи воин
 Вести себя, словно мужик?!» —
 Владыка расстроен, раздвоен,
 Шипит, как змеиный язык.

Исходит он бешеным криком:
 «Замучу! Согну в колесо!»
 Но тут ему кажется ликом
 Святым полководца лицо.

Думою Георгий спокоен
 От частых молитв и постов,
 Державы прославленный воин,
 Он более воин Христов.

И тут прозревает владыка
 Святую его правоту
 И с трона вдруг валится дико
 С тяжелою пеной во рту.

Лекарства, знахарства, напитки
От резкой тоски не спасут:
«Ташите! Берите на пытки!
Творите с ним воинский суд!»

Сидит в тишине император
Среди необъятных палат,
Сидит, как сидел прокуратор,
Прославленный Понтий Пилат.

«Пойти, отказаться от трона!
Забиться в житейском дыму...»
На нем, как ворона — корона
Сидит и мешает уму.

Вдруг, вздрогнув от странного хрусту,
Он шепчет в холодном бреду:
«Выращивать буду капусту,
Лишь только в отставку уйду».

От бреда отважен, отпоен
Спешит он на царский насест,
Вдруг видит: замученный воин,
Георгий спустился с небес.

Над ним золотая корона
Сияет нетленным венцом...
Застыл император у трона
С задумчивым бледным лицом.

Лист

Вот-вот в перелеске пустом
Природа по-бабьему ахнет,
И в сумерках первым листом
Протяжно и нежно запахнет.
И будет он клеек, как мед,

Хранимый столетней колодой,
И все от природы возьмет,
Чтоб сделаться той же природой.
Окрепнет и станет шуметь,
Что сам он с большими усами...
И вот пожелтеет, как медь,
Чтоб гордо кружить над лесами.
Но тяга земная уймет
Порханье по чащам еловым,
И белый, как липовый мед,
Он станет, как деготь, лиловым.
Лишь в рощах останется свист,
Да горестный вид обнаженья...
Вся жизнь — как оторванный лист
В часы золотые круженья.

***

Борисоглебский монастырь —
Ломоть мужичьего искусства.
Сей русский дух, как нашатырь,
Приводит иностранцев в чувства.

***

Золотая облепиха
Бабым летом расцвела.
Так под старость лет попиха
Вдруг попа с небес свела.

Ходит спелым урожаем
С головы до самых пят,
Шепчет: «Батя, нарожаем
Кучу новеньких попят.

Чтобы Пети, Павлы, Гали —
Наш достаток и послед,
Всей оравой помогали
Нам служить под старость лет.

Ослабеем, захиреем,
Будем вдруг валиться с ног,
Тут и станет архиереем
Самый маленький сынок.

На-ка, во-ка, погляди-ка,
Как он важен и сердит,
И сурово, как владыка,
На родителей глядит.

И хотите ль, не хотите ль —
Все пойдем к нему на суд...
Что ты, милый наш святитель,
Ковыряешься в носу?..

Вот придут старушки к Вите,
Напустив смиренный вид,
Скажут: «Вить, благословите!»
Вить их всех благословит.

А на что, и сам не знаешь,
Без угла и без ремня
Вырастая: «Кашу, на, ешь!
Витя, слушайся меня!

Выбирай пошире ложку,
Кашу ешь, расти до звезд...
Отпусти, владыка, кошку,
Не тяни ее за хвост».

Может, станем в день Прощенный
Со скуфейкою в горсти:
«Ты уж нас, Преосвященный,
Наш сынок, за все прости:

Что давали много каши,
Чтоб скорей ты мог расти.

Ты уж нам промашки наши,
Бог прости, — и ты прости».

Стану я рукою липкой
За подол его ловить,
Он одарит нас улыбкой
И, против, благословит.

На отца с усмешкой хитрой,
Словно в детстве поглядит
И высокой шапкой-митрой
Он скуфейку наградит.

Только нам к чему награды
Средь берез и средь осин!
Без наград мы дюже рады,
Что у нас владыка-сын.

Что грустишь, мой сельский батька,
Выпрямляйся поскорей,
Горю спину не горбать-ка:
Старость нам не архирей.

Без детей совсем одна я,
Да и ты, как перст, один.
Где-то дочь живет родная,
С незапятнанных родин.

Да и та давно не пишет,
Приезжает раз в году...
Облепила жаром пышет
Золотым у нас в саду.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

На болоте целый день
Пень торчит, как солнышко.
Заползла гадюка в тень
Усыплять гаденьшка.

Спать пора уже давно —
Он еще кукожится
И шипит, но все равно
Спать в колючку сложится.

Как невинный голубок
Спит с мамашей рядышком.
У него во рту зубок.
Хоть один, да с ядышком.

Вместе с мамой без конца
Спят, согрев животики.
Две головки, два кольца
Посередке хвостики.

Вот уж вечер. Там и тут
Улеглась прохлада.
Мама с сыном вместе ждут
С грустью папу-гада.

По болоту наугад
Тянется резиною
Весь усталый папа-гад
С полною корзиною.

Он в вечерней тишине
Наскочил на кочку
И сорвал цветок жене,
Ягодки — сыночку.

Там, где ночка у пенька
Дали занавесила.
Вдруг четыре огонька
Засверкали весело.

Вот уж в сборе вся семья —
Морды краше солнышек:
Змей-отец, и мать-змея
И сынок-змееньшек.

Вот уже видно давно
У корзины доньшко —
Мама с папой заодно
Лакомят гаденьшка.

Тьма в болоте, как в квашне
Пузырей да кочек.
Сладко дремлет в тишине
Маменькин цветочек.

Осленок

И малых силенок, и серенькой масти,
Тащился осленок на Вольные Страсти —
И Господа вез.

Въезжал он в ворота священного града,
И масса народа была ему рада
До слез.

Он шел вдоль дороги, и малые детки
Бросали под ноги цветущие ветки,
«Осанна» крича.

От веток подвялых вовсю пахло медом.
Осленок жевал их тайком мимоходом,
Иисуса влача.

Впервые в Творении после падения
Сыновье смирение шло от сиденья
Того.

Дыханьем боков раздвигая пространства
Грядущих веков, он забыл про упрямство
Давно.

Впервые от века, робея немного,
Он вез Человека и Господа Бога
На жестком седле.

И сердце ослово, вылазя из тела,
Как мысль богослова, сияла, блестела,
Звучало во мгле.

Из Пушкина

Целый день поповна учит,
От всего удалена...
«Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна...»

Подготовить нужно к школе
Очень длинный стих один:
«Еду-еду в чистом поле,
Колокольчик динь-динь-динь...»

Солнце село. Дело к ночи,
Засыпает все село.
«Вьюга мне спипает очи,
Все дороги занесло...»

Бедной девочке завидно
Даже горьким чьим-то снам.
«В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам».

В блюдце воду кот лакает,
Всюду мышья беготня.
«Вот теперь в овраг толкает
Одичалого коня...».

Кот залез опять в подполье,
И мышинный шум умолк.
«Кони стали, что там в поле
Кто их знает: пень иль волк?»

Вот к столу крадется крыса,
Грызть от свечки парафин.
«Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин».

Ну, их! все одни соблазны!
Кто-то роется в ведре...
«Закружились бесы разны,
Словно листья в ноябре».

Что их так влечет к помоям?
Что нашли они на дне?
«Визгом жалобным и воем
Надрывая душу мне».

И опять поповна учит,
Страх Божьего полна:
«Мчатся тучи, вьются тучи
Невидимкою луна...».

Апрель 2008

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

БИОГРАФИЯ

Александр Юрьевич Сегень родился в Москве 12 апреля 1959 года. Отец: Юрий Лукич Сегень (1932-1994), водитель такси. Мать: Нина Тимофеевна Сегень (1931-1983), в девичестве Кондрашова, инженер.

В раннем возрасте стал сочинять, но профессионально занялся литературой в возрасте двадцати лет. В 1980 году поступил в Литературный институт (семинар А. Рекемчука), окончив его, учился здесь же в аспирантуре, занимаясь исторической публицистикой Николая Михайловича Карамзина. Опубликовал его трактат «О древней и новой России». Печататься начал с 1986 года — журнал «Юность» рассказ «Деревяшка».

Автор романов и повестей на современные темы: «Похоронный марш», «Страшный пассажир», «Тридцать три удовольствия», «Время Ч», «Русский ураган», «Заблудившийся БТР», «Гибель маркера Кутузова», «Есенин», «Евпраксия и рыцарь Христа», «Древо Жизора», «Тамерлан», «Абуль-Аббас — любимый слон Карла Великого», «Державный. Государь Иван Третий», «Поющий король» о Ричарде Львиное Сердце, «Солнце земли Русской» об Александре Невском, «Поп» о священниках на оккупированной территории в годы Великой Отече-

ственной войны, «Господа и товарищи» о событиях в Москве в октябре-ноябре 1917 года, повесть «Свет светлый» о митрополите Киевском и всея Руси Алексие, святителе и чудотворце Московском. Для серии «Жизнь замечательных людей» написал книгу «Московский Златоуст» о святителе Филарете (Дроздове) митрополите Московском и Коломенском и книгу «Святейший» о Святейшем Патриархе Алексии II.

Роман А. Сегеня «Державный» был удостоен премии Московского Правительства, роман «Похоронный марш» — премий имени А. М. Горького и В. М. Шукшина, роман «Русский ураган» — Большой премии Союза писателей России, роман «Поп» — премии Издательского Совета Русской Православной Церкви «Просвещение через книгу».

Как публицист Сегень печатает статьи по русской истории и культуре, особое место в его творчестве занимает православная публицистика. Постоянный автор журнала «Русский дом» и интернет-газеты «Столетие». За статьи о русской истории и Православии удостоен премии им. М. А. Булгакова, за статьи о чеченской войне — премии Союза журналистов «Золотой гонг».

Доцент Литературного института, в котором преподает с 1998 года.

С 2008 года Сегень обратился к кинодраматургии, написав сценарий фильма на основе собственного романа «Поп», по которому режиссер Владимир Хотиненко снял одноименный художественный фильм. Написаны сценарии «Последняя осень патриарха», «Выстрелы в Донском монастыре», «Хождение за три пустыни», «Распахнутые окна», «Флавиан» по книгам священника Александра Торика, «Жизнь моя — сказка моя» по книге рассказов Натальи Романовой «Мы — сибиряки» и «Гефсиман-

ский сад» по одноименному роману того же автора. Сыграл эпизодические роли в фильмах «Поп» и «Достоевский» режиссера Владимира Хотиненко.

Секретарь Союза писателей России.

Произведения автора переведены на различные иностранные языки: английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, венгерский, болгарский, китайский, арабский, польский, чешский, японский и др.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- «Деревяшка», рассказ, журнал «Юность», 1986.
- «Над летописью Карамзина», статья, журнал «Литературная учеба», 1986.
- «Похоронный марш», роман, изд-во «Современник», 1988; изд-во «Андреевский флаг», 2003.
- Комментарии и составление текста трактата Н. М. Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении», журнал «Литературная учеба», 1988.
- «Жара», рассказ, альманах «Слово», изд-во «Современник», 1988; альманах «Лицей на Чистых прудах», изд-во «Московский рабочий», 1989.
- «Роман Огюста Лефруа», рассказ, альманах «Китайгородская стена», изд-во «Современник», 1988.
- «Ваш брат в Египте», статья, журнал «Советская литература», 1989.
- «Китайский огурец», рассказ, газета «Литературная Россия», 1989.
- «Петров и Топтыгин», рассказ, журнал «Наш современник», 1990.
- «Удивительные истории», рассказ-триптих, газета «День», 1990.
- «После всего», рассказ, журнал «Советская литература», Москва, 1990.
- «Две жены в Германии», «С любовью к рок-н-роллу», рассказы, журнал «Литературная учеба», 1991; журнал «Пограничник», 1992.
- «Надпись на стене», повесть, альманах «Дядя Ваня», изд-во «Московский рабочий», 1991.
- «Лениниада. Рассказы о Ленине», литературная мистификация (рассказы, написанные выдуманным автором, якобы соратником Ленина, Генрихом Иван-Ивановским), альманах «Бобо», 1991; изд-во «Русское слово», 1991.
- «Заблудившийся БТР», повесть, журнал «Наш современник», 1991; журнал «Воин Рос-

сии», 1997; изд-во «Армада-Пресс», 2001; изд-во «Вече», 2009.

- «Гибель маркера Кутузова», повесть, журнал «Наш современник», 1992; изд-во «Молодая гвардия», 2002.

- «Протоколы Сиамских близнецов», литературная мистификация, журнал «Московский вестник», 1992.

- «Бестолковая история», рассказ, журнал «Радонеж XX век», 1992.

- «Страшный пассажир», роман, журнал «Наш современник», 1994; изд-во «Андреевский флаг», 2003.

- «Тридцать три удовольствия», роман, изд-во «ЭКМО-Амальтея», 1994; изд-во «Ак-пресс», 2007.

- «Черная нить Ариадны», рассказ, журнал «Москва», 1994; в сборнике «Русский рассказ. Избранное», изд-во журнала «Москва», 2008.

- «Рыцарь Христа», роман, (литературная мистификация: под именем вымышленного автора — Октавиана Стампаса), изд-во «Окто Принт», 1996; изд-во «Терра» (под своим именем), 1997.

- «Торт генерала Грохотова», рассказ, газета «Литературная Россия», 1996.

- «Тамерлан», роман, журнал «Москва», 1996; изд-во «Армада», 1997; журнал «Роман-газета», 1997; изд-во «Астрель», 2001; изд-во «Вече», 2007 и 2010.

- «Древо Жизора», роман, (литературная мистификация: под именем вымышленного автора — Октавиана Стампаса), изд-во «Окто Принт», 1997; изд-во «Терра» (уже под своим именем), 1997.

- «Абуль-Аббас — любимый слон Карла Великого», роман, журнал «Москва», 1997; изд-во «Армада», 1998; журнал «Роман-газета», 2001.

- «Державный», роман, изд-во «Армада», 1997; журнал «Роман-газета», 1998; изд-во «Вече», 2006.

- «Поющий король», роман, изд-во «Армада», 1998.

- «Сельский батюшка», статья, журнал «Русский дом», 1998.

- «Евпраксия», роман (новое название романа «Рыцарь Христа»), журнал «Роман-газета», 1999.

- «Тройка, семерка, туз», рассказ, журнал «Наш современник», 1999; изд-во ИТРК, 2002.

- «Наши сети», сборник рассказов, изд-во Московской городской организации Союза писателей России, 1999.

- «Путешествие из Петербурга на Валаам», статья, журнал «Новая книга России», Москва, 2000.

- «Ромуальдыч», «Спившийся гений», рассказы, журнал «Молодая гвардия», 2000.

- «Душманская картошка», рассказ, журнал «Воин России», 2000.

- «Русский ураган», роман, журнал «Наш современник», 2000; журнал «Роман-журнал XXI век», 2001; изд-во «Молодая гвардия», 2002; изд-во ИТРК, 2002.

- «Макаровы», в соавторстве с С. Н. Семановым, изд-во журнала «Наш современник», 2001.

- «История создания и публикации трактата «О древней и новой России...», подготовка текста Н. М. Карамзина и комментарии. В книге «Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века. Н. М. Карамзин», изд-во А. В. Воробьева, 2001.

- «Александр Невский. Солнце Земли Русской», «Роман-журнал XXI век», 2002 — 2003; роман, изд-во ИТРК, 2003; изд-во «Астрель», 2007; изд-во «Вече», 2010.

- «Поп», роман, журнал «Наш современник», 2006; изд-во Сретенского монастыря, 2007, 2008, 2009 и 2011; изд-во «Вече», 2009, 2010 и 2011.
- «Время Ч», роман, изд-во «Акпресс», 2007.
- «Есенин», повесть, журнал «Наш современник», 2008; сборник «Открытие века», 2009.
- «Господа и товарищи», роман, изд-во «Вече», 2008.
- «Свет светлый», повесть, журнал «Москва», 2009; изд-во «Вече», 2011.
- «Филарет Московский» («Московский Златоуст»), книга в серии «Жизнь замечательных людей», изд-во «Молодая гвардия», 2011.
- «Закаты», роман, изд-во «Вече», 2012.
- «Воина священная», к 200-летию Отечественной войны 1812 года, журнал «Москва», № 9, 2012.
- «Московский Златоуст. Жизнь, свершения и проповеди Филарета (Дроздова), митрополита Московского», изд-во «Благовест», 2013.
- «Дедов крест», рассказы, журнал «Наш современник», № 3, 2014.
- «Наше родное», сборник статей и эссе, изд-во «Покров», Москва, 2014.
- «Надпись на стене», повесть (новая редакция), журнал «Наш современник», № 1, 2015.
- «Алексий II», книга в серии «Жизнь замечательных людей», изд-во «Молодая гвардия», 2015.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ДОЛЖНА БЫТЬ С ЮМОРОМ

ИНТЕРВЬЮ

— В современной литературе существует проблема положительного героя: писатели зачастую просто не видят его в окружающем мире и обходятся в своих произведениях вообще без него. С другой стороны, попытки изобразить человека, достойного стать примером, выглядят, по большей части, весьма неубедительно. Каким, по Вашему мнению, должен быть положительный герой в произведениях православных писателей?

— Максим Горький, безусловно, не принадлежал к православной литературе, но тем не менее, размышляя на эту тему, он очень пра-

вильно заметил, что если положительный герой никогда не вызывает у читателя улыбку, это не положительный герой. Православный писатель, действительно, не может обойтись без положительного героя, но такой герой не имеет права быть каким-то таким показушным, фанерным, ненатуральным. А у нас чаще всего бывает так, что в литературе улыбку вызывают отрицательные персонажи. Между тем, люди, которые, действительно, могут быть примером для наших современников, если поискать их, скажем, среди духовенства, вовсе не скучны. Настоящий священник, которого любит паства, всегда очень

остроумный, он всегда найдет какое-то такое словечко, которое западет в душу человека. Православная литература не может не быть радостной, более того, она должна быть и с юмором.

— *Современная жизнь дает мало оснований для радости...*

— Люди просто не понимают, что Христос и сейчас с нами. Когда мы приходим в храм на Рождество, Пасху или в любой другой праздник, мы сопричастны событию, которое происходит сейчас, а не много столетий назад. Мне было очень смешно, когда в одной из своих проповедей по телевизору католический священник сказал, что Рождество Христово — это одно из событий, которое не утратило своей актуальности и сегодня. Это, конечно, была оговорка, но в этом выразилась сущность, может быть, той ненастоящей веры, которую сейчас мы можем наблюдать чаще всего на Западе. Главными событиями человеческой истории являются Рождество Христово и Воскресение Христа. Так, как люди жили до этого, уже нельзя жить. И донести эту мысль до читателей тоже должен православный писатель.

— *А каких книг православной тематики, по Вашему мнению, не хватает на современном книжном рынке?*

— Перед современным православным писателем, на самом деле, непаханое поле. До сих пор существует биографических книг о многих и многих подвижниках Церкви. Среди героев таких произведений может быть не только известный церковный деятель, но и замечатель-

ный врач, инженер, кто угодно — любой человек, который приносит пользу людям. Быть полезным своим ближним — это уже христианский поступок, а если человек совершает его с сознанием, что это дело — во славу Божию, то тогда перед нами настоящий православный христианин. Биографий таких настоящих православных людей хотелось бы видеть как можно больше. Впрочем, многое в этой области уже делается. Например, возрождение серии «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия» напрямую было связано с появлением книг, посвященных православным подвижникам. Мне бы хотелось увидеть в этой серии книгу о святителе Луке (Войно-Ясенецком). Таких удивительных людей, как этот святой, жизнь которых просто просится и в книгу, и в кинематограф, очень много.

— *А возможности кинематографа, по Вашему мнению, в полной ли мере используются православными авторами?*

— К сожалению, опыт экранизаций произведений православной литературы пока еще у нас весьма небольшой. И можно буквально по пальцам пересчитать фильмы, которые можно назвать в той или иной мере православными и которые несут зрителям христианское понимание мира. Я убежден, что писатель должен сотрудничать с кинематографом. Средства кинематографа, выразительные, зрительные, часто бывают сильнее чем те, которыми пользуется литератор. Я считаю, что кинематографисты должны больше обращаться к православным писателям. Таких авторов много, это хорошие писатели, среди них есть и священники. Напри-

мер, протоиерей Николай Агафонов или отец Ярослав Шипов. И заметьте, в рассказах этих священников, жизнь которых связана со служением Церкви, как раз много здорового, хорошего, светлого юмора.

— Протоиерей Николай Агафонов, которого Вы упомянули, в прошлом году стал лауреатом Патриаршей литературной премии. Какое значение, по Вашему мнению, имеет эта премия?

— Я считаю, что людей надо поощрять за добрые поступки, если они их действительно совершают, как бы ни говорили, что дело важ-

нее, чем похвала. Внимание, которое оказывает Церковь лучшим писателям России и русским писателям за рубежом, действительно, их очень поддерживает. И хорошо, что эта премия связана как раз с Днями славянской письменности и культуры, потому что первыми писателями славянского мира были святые равноапостольные писатели Кирилл и Мефодий, и вообще-то, святых писателей тоже немало. И, можно было бы еще учредить праздник, День православного писателя, приурочив его ко дню памяти одного из святых писателей, может быть, одного из евангелистов.

ДЕДОВ КРЕСТ

РАССКАЗ

Мой дед по материнской линии, Тимофей Степанович Кондрашов, родился в многодетной крестьянской семье на Смоленщине, в ныне уже не существующем селе Высоцком Вяземского района, на границе с Сафоновским районом. Это — рядом с Изъяловым, Никулиным, Старым Селом, Богородицким, Артемовым, Черным, в среднем течении речки Вязьмы, правого притока Днепра. Крестили его в день апостола Тимофея — 22 января по старому стилю. У деда были четверо братьев: Арсений, Павел, Степан и Иван — и сестра Евгения. Отец — Степан Семенович, мать — Анастасия Васильевна. Крепкая крестьянская семья, которую затем ветер революции рассыпал по стране.

В 1915 году моего деда призвали на войну; он воевал на германском фронте, в рукопашном бою уложил одного немца, вел себя храбро и потерял мизинец и безымянный палец на правой руке, заслоняясь от вражеского штыка винтовкой. В приказе о награждении его солдатским знаком отличия ордена святого Георгия было сказано: «За доблесть в бою и умелое спасение жизни солдата Российской империи». Имелась в виду его собственная жизнь.

Моя бабушка, Клавдия Федоровна, в девичестве Карпушова, родилась в тех же местах, что и дед, и тоже в многодетной крестьянской семье. У нее было шесть сестер и один брат. За деда моя бабка вышла в возрасте 16 лет вскоре после Рож-

дества Христова 1919 года. А Тимофею Степановичу тогда исполнилось 24. В первые годы дети у них рождались мертвые. Бабушка сваливала вину на свекровь, заставлявшую ее слишком много работать. Еще она как-то призналась мне, что, будучи девушкой, мечтала о старшем брате Кондрашовых — Арсении, а вышла за Тимофея после того, как Арсений женился на ее дальней родственнице Полине. Попав в дом мужа, она первые годы много плакала, вспоминая родной дом, своих добрых родителей, Федора и Ольгу.

В 1922 году мои дед и бабка стали жить своим домом, и через год у них благополучно родился первенец — Федор Тимофеевич. Затем, в 1928-м, появился на свет мой будущий крестный — дядя Саша, Александр Тимофеевич. А еще через три года родилась моя мама Нина Тимофеевна.

В 1930-е годы пришла коллективизация, а мой дед был ее яростным противником, потому что в его работающей семье все ладилося, жили с достатком, даже на окнах были разноцветные стекла — синие и красные уголки. Имели трех лошадей, трех коров, множество другой скотины и птицы. Богач, противник колхозов да еще и герой империалистической войны, кавалер знака святого Георгия... Над моим дедом нависли тучи. Местная большевизия вот-вот должна была его раскулачить и отправить с семьей в Сибирь. По совету своего старшего брата Арсения, служившего в рязанской ЧК, он даже свой Георгиевский крест закопал в укромном месте на огороде, когда пустили слух, что всех, у кого таковые найдутся, будут на месте расстреливать. Потом, спустя годы, он придет, будет искать, где подарил земле свою награду, да так и не найдет, а бабушка, получившая в годы Великой Отечественной две медали, будет дразнить его:

— Мои-то вот они, а твой-то крест где, Тимох? А Тимох!

— У Арсения спроси, — угрюмо отвечал дед.

В 1937 году под угрозой раскулачивания Тимофей Степанович с женой и тремя детьми переехал в Москву. Своего угла у них не было больше года. Брат деда служил в московской милиции и договорился, чтобы их пускали ночевать в одну многокоммунальную квартиру, где было две ван-

ных комнаты. В одной из этих ваннных они и ночевали, а днем оставались без жилья, то есть, по нынешним понятиям, бомжевали. Бабушка устроилась уборщицей в отделении милиции, а дед — в Метрострой, от которого получил, наконец, собственное жилье — комнату в бараке.

В 1941 году пропал без вести в Вяземском котле их старший сын Федя, дед голодал в резервных войсках, а бабушка рыла окопы на подступах к Москве. После войны семья еще долго ютилась в метростроевском бараке, в котором и я сам появился на свет ровно за два года до полета Гагарина в космос.

Деда я обожал больше всего на свете, потому что он возился со мной постоянно. Научившись говорить, я звал его «дедушка Темноша», на что бабушка смеялась:

— То-то и есть, что Темноша! У церкву ходить перестал, будто нехристь какая.

— Как раз те-то и темные, кто в церковь ходит, — возражал дед, считая, что, разуверившись в Боге, он обрел некое прогрессивное знание.

А когда-то, живя в деревне своим хозяйством, он сохранял традиционное православие. Однажды он мне рассказывал:

— Бывало, каждое воскресенье мы ходили в церковь, а она в пяти верстах находилась. Так я, бывало, сапоги свяжу веревочкой, перекину через плечо: один сапог на спине, другой на груди — и так до самой церкви. Перед церковью сапоги надену и в храм Божий в сапогах иду. Обрато снова босиком. Оттого у меня сапоги никогда не снашивались, не то что нынче у городских.

Дед почему-то называл меня не по имени, а мальчишкой. Всегда заступался за меня перед мамой и бабушкой, когда я проказничал и должен был получить заслуженных поцелуев ремня:

— Как хотите, но мальчишку я в обиду не дам!

Во втором классе я нахватал двоек после многодневных увеселений на ледяной горке, и мама решила все-таки всыпать мне по первое число. Так дед, уже облаченный в голубой кальсоновый костюм, бросился и принял на себя несколько ударов ремня, как некогда бросался на германские штыки. Мама пыталась ударить меня, заходя то слева, то справа, но дед подставлялся, защищая своего мальчишку.

При этом, что греха таить, недостатков у моего деда имелось в достатке. Он и к рюмочке прикладывался, и от бабушки не прочь был гульнуть на сторону, и матерился порой. Из всех народов он любил только русский, раздражаясь на прочие. Хотя национализм у него был смешной, и я всегда хохотал, когда он украинцев называл «чулыбулы», а кавказцев «чхари-ари»:

— Работать невмоготу стало, — жаловался он, к примеру, — понапринимали всяких чулы-булы да чхари-ари, а они делать ни хрена не хотят!

А я:

— Как-как? Кого напринимали?

Это чтобы он еще раз повторил, а я еще раз упал на диван со смеху.

Было время, когда, по его собственному признанию, он «на бутылочке женился». Но потом перешел исключительно на пиво. В одну пору прошла кампания по переводу русского народа с кривых водочных рельсов на пивной автобан, и деду в его депо после смены выдавали три литра бесплатного пива. Он тогда так и ходил на работу с большим алюминиевым чайником. Вечерочком я его всегда поджидал, потому что он являлся с этим вкусным холодным напитком, плещущимся в чайнике, и наливал мне кружечку. Бабушка и мама, конечно же, возмущались:

— Тимох, ты что, ошалел?

— Отец, сопьется мальчишка твой!

А он возражал:

— Неправда. Курс на пиво взят и одобрен партией и правительством.

Курс самого деда чаще всего шел вразрез с курсом домашней партии и правительства в лице мамы и бабушки. Особенно жаркие споры шли у него по поводу хождения бабушки в церковь:

— Вместо того чтобы мне лишние носки купить, ты попам деньги носишь. Все попы в моих носках ходят! Пойду да и заставлю их снять.

— Не пори ерунды, — вздыхала бабушка. — А то у тебя носков не хватает. А у церкву бы надо тебе сходить, Тимох. Ведь с до самой до войны не ходил, тридцать лет в нехристях!

— Умру, а не пойду!

— Вот умрешь, так как раз и пойдешь у церкву.

— Это как это?

— А вот так. Не своими ножками, конечно же, а понесут тебя, ирода, у гробе.

— Вот ты что затеяла! Учти, Клавдя, если только, когда я помру, ты меня отпевать поне-сешь, я из гроба в церкви встану и за волосы тебя надеру. Так и знай. Стыдно тебе будет.

— Так, прям, и встанешь!

— Встану.

— Мертвый? Иде ж это видано?

— Назло тебе оживу на пять минут. Мне хватит, чтоб из тебя космы выдрать.

— А все потому, — сердилась бабушка, — что ты свой крест закопал.

— Какой?

— Георгиевский, какой же еще! Вот без креста и остался.

— Клавдя, я счас смерти дожидаться не стану, вядеру тебя как Сидорова козу!

Справедливости ради следует признать, что при всем многообразии угроз, которые дед иной раз посылал в сторону своей жены, он ни разу мою бабушку пальцем не тронул. И она это уважала:

— Тут нечего сказать: никогда даже не замахнулся на меня. А и то пусть бы только попробовал!

Та еще была парочка — мои дед и бабка. По-своему любили друг друга, но увлекались особым видом спорта — дразнением. К примеру, дед терпеть не мог, когда она лезла ему помогать в домашних мужских делах. Вот он пилит дощечку, а бабушка сзади подкрадется и рукой схватится, чтобы эту дощечку придержать.

— Ну едрит же твою налево! — взовьется дед. — Клавдя! Возьму да и отпилю тебе руку-то!

— И это вместо спасибо! Да если б не я, ты бы криво отпилил.

— Да уж, без тебя у меня все бы криво было!

— А что, не так разве?

Когда отмечалась их золотая свадьба, собрались гости, дед и бабка сели во главе стола, как два голубка, — все чин по чину. Кто-то крикнул:

— Горько!

Дед и бабка встали, собрались было поцеловаться, а мой Тимофей Степанович вдруг схватил со стола бутылку водки и ее чмокнул во все уста. И сказал:

— Вот моя любимая, да после инфаркта разлучили меня с ней врачи-вредители!

Бабушка, конечно же, обиделась, но ненадолго. Минут через пять рассмеялась:

— Теперь все увидели, какой ты у меня, Тимох, дуравило!

Он потом лез к ней исполнить свое «горько», да она уж ни в какую.

Еще один грешок водился за моим дедом: он любил проехать в общественном транспорте «зайцем». Никогда не забуду постыдного предательства, которое я совершил по отношению к нему. Дедушка всегда старался сэкономить на всем. Бабушка часто ругала его, когда он в булочной покупал самый дешевый серый хлеб.

И вот однажды его зацапал контролер. Я показал свой школьный проездной, а у деда — ничего нет. Контролерша стала его стыдить:

— Пожилой человек, а не платит! Мальчик, это твой дедушка?

И тут я, подлец, готовящийся в пионеры, сквозь зубы ответил:

— Впервые вижу.

И отвернулся к покрытому морозным инеем окну.

До сих пор горю от стыда за это отвратительное предательство. Прости меня, дорогой дедушка Темноша! Ты бы за меня в огонь и воду, под мамин ремень бросался, защищая меня, а я...

Через три года после золотой свадьбы мой дедушка Темноша умер. Смерть сразила его внезапно. В последние годы он подрабатывал тем, что мастерил фанерные ящики для посылок и продавал их на колхозном рынке. Его постоянно гоняла милиция, которой было скучно жить ввиду полного отсутствия у нас в стране какой-либо преступности, кроме незаконного моего деда предпринимательства. И вот в тот роковой день Тимофей Степанович сколачивал очередной фанерный ящик, как вдруг прихватило сердце. Настоящие герои умирают со словами: «Да здравствует Родина!», «Все остается людям!», «Дети, берегите мать!» и так далее.

Мой дед, кавалер солдатского креста ордена святого Георгия, помер, успев лишь пробормотать:

— Валидол! Валидол! Валидол!

Добежал до кровати, упал на нее и — каюк.

Вернувшись из школы, я не мог поверить. Сидел на стуле возле мертвого деда, и мне казалось, что грудь его тихонько колышется, что он скрытно дышит, притворяясь мертвым. Да я сам сколько раз, бывало, играя в войну, притворялся мертвым и старался почти не дышать для полного правдоподобия. Вот, думаю, и дед туда же...

Бабушка, вопреки атеистической воле покойного, заказала отпевание. Гроб принесли в храм Рождества Христова в селе Измайлове, где некогда отпевали дедова отца Степана Семеновича и дедову мать Анастасию Васильевну. Начался церковный чин. Я смотрел и смотрел на деда, лежащего в гробу, и хорошо помню, как впервые совершил неожиданное открытие — изменение лица отпеваемого покойника. Поначалу лицо дедушки Темноши сохраняло непрístupный мертвецкий вид, серый и несколько обиженный, что ему так и не подали вовремя валидол. Уголки губ устремлялись вниз к подбородку, и поневоле каждый испытывал вину перед ним, что все еще живы, а он вот лежит в своей последней деревянной постели.

Но что такое? Чем дальше шло отпевание, казавшееся мне и без того нескончаемым, тем больше просветлялось лицо моего деда. Будто из Темноши он превращался в Светлошу. Обиженные складки под уголками губ сгладились и исчезли, лицо из серого стало белым и даже как будто слегка порозовело. А главное, что на этом еще недавно огорченном лице появилось некое чувство удовлетворения и даже благодати. И это

при том что ушел он из жизни убежденным атеистом, не причастившись и не исповедавшись.

Сколько раз я потом убеждался в том, что во время отпеваний часто происходит то же самое удивительное явление. Слово человек, доселе недовольный, что пришлось покинуть теплую и обжитую жизнь, вдруг получил какое-то удовлетворение свыше и не только смирился со смертью, но даже и рад ей.

А тогда я, впервые увидев это, стоял и удивленно взирал на дедушкину метаморфозу.

Бабушка стояла рядом со мной справа, проливая скупую слезу, поскольку вообще всегда была скупа на слезы, утиралась уголком платка и неотрывно смотрела на своего ушедшего мужа.

Потом вдруг легонько толкнула меня в плечо, наклонилась и произнесла лукавым, слегка озорным тоном:

— Глянь-ка! Не встаешь!

Лет через десять на Измайловском вернисаже я купил настоящий солдатский Георгий. Увидев его, бабушка задумалась и сказала:

— Кто знает, может, это Тимохов крест. Откопали, привезли да и продали тебе.

Мы вместе с ней поехали на Николо-Архангельское кладбище, я выкопал в дедовой могиле глубокую ямку и положил в нее Георгия. А когда засыпал его землею, бабушка сказала:

— Возьми, Тимоша, крест свой. И не теряй его больше.

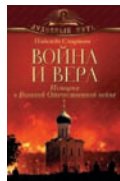
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП»

Война и вера

ИСТОРИИ О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Серия «Духовный путь»

Н. СМИРНОВА

ИСП 14-416-1527
МОСКВА
2015
448 С.
ТИРАЖ
3000 ЭКЗ.

ISBN 978-5-373-07234-2

Эта книга о войне и о человеческой душе. О том, как не сломаться, не утратить веру. О тех воинах, которые отдали жизни за отчий дом, за веру в Бога, за Родину... И о нас, их потомках. Книга основана на реальных событиях, имена и фамилии героев — подлинные.

ДРАМА ИЗ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ

Монахиня Евфимия (Пащенко)

Серия «Духовный путь»

ИСП 14-416-1526, Москва,

2015, 320 с., тираж 3000 экз.

ISBN 978-5-373-07233-5

Почему человек, каждый день видящий святую, догадывается об этом, лишь стоя у ее могилы?

Какую семейную тайну скрывают два оловянных кольца из бабушкиной сумочки? Отчего до срока обрывается жизнь выдающегося священника-миссионера? Особый стиль монахини Евфимии, без которой уже сложно представить современную православную прозу, восходит к русским реалистическим традициям XIX столетия. Увлекательные, почти детективные сюжеты делают эту книгу замечательным подарком для читателей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВОСЛАВИЕ И МИР»

ОТ СМЕРТИ К ЖИЗНИ:
КАК ПРЕОДОЛЕТЬ СТРАХ
СМЕРТИ

А. Данилова

Серия «Книги Правмира»

ИСП 14-418-1603, Москва,

2015, 384 с., тираж 3000 экз.

ISBN 978-5-485-00505-4

Книга рассказывает об уходе из земной жизни с христианской точки зрения и формулирует самый страшный человеческий вопрос мудро и спокойно: не «почему» мы умираем, а «для чего»? Авторы — священники и богословы, работники хосписа и волонтеры — делятся своими размышлениями о жизни и смерти, личными воспоминаниями и переживаниями. Книга основана на материалах интернет-портала «Православие и мир».

Альфа и Омега Марины Журинской: эссе, статьи, интервью

Серия «Книги Правмира»

М. ЖУРИНСКАЯ

ИСП 14-416-1466
МОСКВА
2015
672 С.
ТИРАЖ
3000 ЭКЗ.

ISBN 978-5-485-00504-7

Книга М. А. Журиной, бес-
сменного редактора православ-
ного журнала «Альфа и Омега»,
готовилась к годовщине смерти
автора. В этот сборник вошли
статьи, эссе, интервью разных лет.
Марина Андреевна рассуждает в
них обо всем на свете: о вере пра-
вославной, о жизни обществен-
ной и семейной, об искусстве и
природе. Взгляды автора часто
оригинальны. Книга будет инте-
ресна всем думающим людям.

**Женское одиночество:
как из него выбраться**
Серия «Книги Правмира»

О. ГУМАНОВА

ИСП 14-417-1569
МОСКВА
2015
160 С.
ТИРАЖ
3000 ЭКЗ.

ISBN 978-5-485-00506-1

Многие женщины хотели бы
встретить надежного спутника
жизни. Но не всегда это получа-
ется легко. Автор этой позитив-
ной, обнадеживающей книги
поможет читательницам взгля-

нуть на различные модели поведе-
ния со стороны и разобраться в
причинах неудач в личной жизни,
увидеть самые распространенные
ошибки и пути для преодоления
сомнений и решения проблем.
Эта книга — о женском одиноче-
стве, о том, как от него изба-
виться, или же принять как
должное.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НОВАЯ МЫСЛЬ»**

Оптинки
ЗАПИСКИ ЭКСКУРСОВОДА
Серия «Рассказы для души»

О. РОЖНЕВА

ИСП 14-417-1585
МОСКВА
2015
346 С.

ISBN 978-5-902716-37-2

Прочитав эту книгу, вы узнаете,
есть ли сейчас в Оптиной пу-
стыни старцы, познакомитесь
ближе со схииеромандритом
Илием, духовником Патриарха,
узнаете о чудесной помощи по

молитвам старицы Сепфоры и
убиенной на Пасху оптинской
братии (отцах Василии, Трофиме,
Ферапонте), а также много дру-
гих интересных и захватывающих
невыводимых историй, написан-
ных чудесным, ясным и чистым
языком.

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕ-
ТЕЛЬСКИЙ ФОНД
«ПРЕОБРАЖЕНИЕ»**

**Непридуманные судьбы
на фоне ушедшего века**
*ПИСЬМА М. В. ШИКА (СВЯЩЕН-
НИКА МИХАИЛА) И Н. Д. ША-
ХОВСКОЙ (ШАХОВСКОЙ-ШИК)*

Т. 1. 1911-1926
ИСП 15-419-1664
МОСКВА
2015
216 С.

Авторы публикуемых писем —
М. В. Шик (впоследствии свящ.
Михаил) и Наталия Дмитриевна
Шаховская (в замужестве Шахов-
ская-Шик), родившиеся в конце
XIX века. Вместе со всей страной
они пережили Первую мировую
войну, две революции. Отец Ми-
хаил погиб в 1937 году, став жерт-

вой Большого террора, а Наталия Дмитриевна не перенесла испытаний первого года Второй мировой. Первый том содержит переписку 1911-1926 гг. и дневниковые записи М. В. Шика во время его этапа в Турткуль, куда он был сослан по обвинению в участии в «деле митрополита Петра». Впоследствии отец Михаил был расстрелян на Бутовском полигоне в Москве. Письма, дошедшие до нас, очень ценны: они учат нас вещам вневременным — силе жизни по вере Христовой, смирению и духовному сопротивлению всякому злу.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА

Живи мя по словеси Твоему

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ

РАФАИЛ (НОЙКА), иеромонах

ИСП 15-419-1645
СЕРГИЕВ ПОСАД
2014
240 С.
ТИРАЖ
3000 ЭКЗ.

ISBN 978-5-00009-059-6

В данной книге собраны беседы иеромонаха Рафаила (Нойки) с братьями и паломниками монастыря Святого Иоанна Предтечи в Англии. Прожив рядом с отцом Софронием долгие годы, отец Рафаил делится с нами своей любовью к старцу и духовным опытом жизни по его слову. Его беседы являются своего рода введением в учение святого Силуана и архимандрита Софрония. Книга будет интересна широкому кругу читателей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НИКОЛИН ДЕНЬ»

Как Бог меня замуж выдавал

Е. ВАРАКИНА

ИСП 14-416-1523
МОСКВА
2015
192 С.
ТИРАЖ
7000 ЭКЗ.

ISBN 978-5-906570-41-3

Давно хрестоматийной стала формула трех «К», которая в переводе с немецкого звучит как «Дети,

кухня, церковь» (в оригинале — Kinder, Küche, Kirche). В том, как эта «установка» работает в жизни современной православной христианки, и пытается разобраться автор, которая разговаривает с читателями посредством пронзительно-исповедальных историй.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КОНТРАСТ»

Страница Любушка

Л. ИЛЬЮНИНА, *сост.*

ИСП 14-418-1599
СПБ
2015
272 С.

ISBN 978-5-4380-0089-1

Блаженная старица Любушка (Любовь Ивановна Лазарева (1912-1997) многим памятна как Любушка Сусанинская. Сама она назвала себя странницей, так как почти всю жизнь провела в странствиях по России. Ее молитвы исцеляли, вразумляли, спасали многих людей. Эта книга — о ней.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Климент, митрополит Калужский и Боровский — председатель редакционного совета, председатель Издательского совета Русской Православной Церкви

Архимандрит Алий (Кастальский-Бороздин) — главный редактор Патриаршего издательско-полиграфического центра Троице-Сергиевой Лавры

М. Д. Афанасьев — директор Государственной публичной исторической библиотеки

А. Н. Варламов — главный редактор журнала «Литературная учеба»

Вениамин, епископ Борисовский, викарий Минской епархии — председатель Издательского Совета Белорусской Православной Церкви

В. Н. Ганичев — председатель Союза писателей России

Протоиерей Борис Даниленко — руководитель Синодальной библиотеки Русской Православной Церкви имени Святейшего Патриарха Алексия II

В. Н. Крутин — сопредседатель правления Союза писателей России

В. Р. Легойда — председатель Синодального информационного отдела Русской Православной Церкви

Никодим, епископ Единецкий и Бричанский — председатель Издательского совета Православной Церкви в Молдове

О. А. Николаева — преподаватель Литературного института им. А. М. Горького

Протоиерей Владимир Савельев — председатель Издательского отдела Украинской Православной Церкви

Протоиерей Владимир Силунов — главный редактор Издательства Московской Патриархии

Б. Н. Тарасов — ректор Литературного института имени А. М. Горького

Архимандрит Тихон (Шевкунов) — наместник Сретенского ставропигиального монастыря, ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре

В. В. Федоров — президент Российской государственной библиотеки

М. Е. Шкатов — директор издательства «Отчий дом»

**ПРОГРАММА ТОРЖЕСТВЕННОЙ ЦЕРЕМОНИИ ИЗБРАНИЯ
И НАГРАЖДЕНИЯ ЛАУРЕАТОВ ПАТРИАРШЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
ИМЕНИ СВЯТЫХ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ**

*Зал церковных соборов Храма Христа Спасителя
28 мая 2015 года*

- **17:00** Прибытие гостей. Выступление струнного квартета в фойе.
- **18:00** Начало церемонии.
- **18:15** Приветственное слово Святейшего Патриарха Кирилла.
- **18:25** Начало голосования членов Палаты попечителей Патриаршей литературной премии.
- **18:30** Демонстрация фильма о номинантах Патриаршей литературной премии.
- **18:50** Объявление Святейшим Патриархом Кириллом результатов голосования. Награждение лауреатов. Награждение номинантов.

Концертная часть

- Хор МДА. «Единородный сыне» (музыка П. Г. Чеснокова); величание преподобному Сергию Радонежскому (соловецкий распев).
- Заслуженный артист России Юрий Кондратьев. Соло на балалайке.
- Заслуженная артистка России Лидия Музалёва. «Твои следы» (музыка А. Бабаджаняна, слова Е. Евтушенко); «Я лечу над Россией» (музыка Г. Пономаренко, слова О. Левицкого); «Течет река Волга» (музыка М. Фрадкина, слова Л. Ошанина).
- Гитарный квартет имени Фраучи. А. Марчело. Концерт для гобоя и струнных II и III части.
- М. де Фалья. «Танец огня» из балета «Любовь-волшебница».
- Солист Московского государственного академического музыкального театра Михаил Заболотский. Ария Фигаро из оперы В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро»; «Поклонимся великим тем годам» (музыка А. Пахмутовой, слова Н. Добронравова).
- Солистка Московского государственного академического музыкального театра Вера Азикова. Ария Марфы из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста»; «Огонек» (музыка неизвестного автора, слова М. Исаковского).
- Дуэт «Здравствуй Любаша, здравствуй любовь» из оперетты К. Листова «Севастопольский вальс». Режиссер концертной части и музыкального сопровождения церемонии Патриаршей литературной премии — лауреат международных и всероссийских конкурсов и фестивалей Ярослав Беляков. Сопровождает церемонию Брасс-ансамбль МГК имени П. И. Чайковского под руководством лауреата международных и всероссийских конкурсов и фестивалей Ярослава Белякова и струнный квартет «Quattro sound».